

Новая
романтическая
история от
автора «Артур,
Луи и Адель»

Шестое чувство

Дана Делон

Дана Делон
Шестое чувство
Серия «Trendbooks»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67240005
Шестое чувство: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2023
ISBN 978-5-00154-457-9*

Аннотация

Эмма знает Адама с первого класса и влюблена в него всю жизнь. Они лучшие друзья и все время проводят вместе, их даже в шутку называют M&M's. Возможно, чувства Эммы взаимны?

Лили очень страдает из-за развода родителей. Чтобы заглушить боль потери, она отправляется в Италию, где знакомится с очаровательным художником, которого зовут Адам. Может ли мимолетное знакомство перерасти в настоящую любовь?

Волею судьбы Лили и Эмма становятся сводными сестрами. Теперь на двоих у них один дом, одни друзья... и одна любовь. Вспышка страсти или чувство, проверенное временем? Что выберет каждая из них?

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	53
Глава 5	71
Глава 6	81
Глава 7	98
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Дана Делон

Шестое чувство

Моей дорогой подруге Виктории!

*Спасибо тебе за дружбу, за Москву и за твое
замечательное чувство юмора!*

* * *

© Дана Делон, 2020

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

Художественное оформление (1) © Marta Syrko

Изображение на обложке использовано с разрешения https://www.trevillion.com/stock-photo/close-up-of-young-couple-embracing/search/detail-0_00279448.html?dvx=2114

Художественное оформление (2) © Magdalena Wasiczek / Trevillion Images

Изображение на обложке использовано с разрешения https://www.trevillion.com/stock-photo/close-up-of-bouquet-of-flowers/search/detailmodal-0_00303301.html?dvx=1903

Плей-лист:

1. Syml – «Where's my love»
2. Coeur de pirate – «Comme des enfants»
3. Duncan Laurence – «Arcade»
4. Billie Eilish – «Six feet under»
5. Trevor Daniel – «Falling»
6. Halsey – «You should be sad»
7. Billie Eilish – «No time to die»
8. Halsey – «Not afraid anymore»
9. Selena Gomez – «Lose you to love me»
10. Andrew Belle – «Pieces»

«Что такое любовь?»

Жизнь. Полет. Доверие. Мечта. Счастье. Испытание. Вера. Безумие. Свобода. Взаимопонимание. Принятие. Алtruизм. Уважение. Танец. Искренность. Прозрение. Надежда. Безмятежность. Дружба. Взаимность. Забота. Эгоизм. Слабость. Боль. Прикосновения. Манипуляция. Близость. Выбор. Компромисс. Исцеление. Отрада. Терпение. Понимание. Поцелуи. Оргазм. Иллюзия. Спокойствие. Кры-

ля. Страсть. Разочарование. Бессмыслица. Победа. Желание. Магия. Цель. Безумство. Волшебство. Семья. Вечность. Безопасность. Страх. Невесомость. Единство.

Нет правильного ответа, у каждого он свой.

Глава 1

Лили

Дорогой Адам.

Я не знаю, с чего начать. Не поверишь, но я пишу тебе в красной тетради, которую купила сегодня в Carrefour. На часах три ночи, а я никак не могу уснуть. Вспомнила, как отец писал письма маме в те времена, когда еще любил ее. И только сейчас я понимаю почему. Ведь когда столько эмоций теснится в душе, им нужен выход. Адам... Я не знаю, где ты сейчас, у меня никогда не было твоего адреса. Поэтому я пишу, прекрасно осознавая, что ты никогда не прочитаешь эти строки. Жаль, ведь мне очень хочется, чтобы все было иначе. Я сейчас в Париже, Адам. В городе, где ты живешь. Как удивительно устроена жизнь, не правда ли? Там, в Италии, пять месяцев назад ты познакомился с Лили из Лозанны. А теперь я тут. Большие всего на свете я мечтаю случайно встретить тебя и все объяснить. Знаешь, последние месяцы бессонница – слишком частое явление в моей жизни. Нежеланная гостья. А с ней приходят тоска, глубокая грусть и одиночество. Признаюсь честно, подобные чувства мне всегда казались надуманными – слабостью и необъяснимым желанием страдать. Но сейчас я отчетливо понимаю: никто добровольно не хочет причинять себе

боль, страдать и тонуть в печали.

*И самое отвратительное, что я не знаю, как мне вы-
браться из этого состояния. Я стала слишком банальна –
страдаю по парню! Хорошо, что ты никогда не прочита-
ешь это письмо. Ведь ты будешь подтрунивать надо мной
до конца жизни! Скажешь: «Ага! Влюбилась в меня по уши,
Лили, да?» А я начну отнекиваться и скажу, что ты само-
довольный болван! Я сейчас пишу это, и в глазах стоят сле-
зы – так сильно соскучилась по тебе!*

*Миллион раз воображала нашу встречу. То, как увижу
тебя на углу парижской улицы и помчусь со всех ног прямо в
твои объятия. Говорю же, я стала слишком банальна. Но-
чами я остаюсь одна со своими чувствами, своей печалью.
И мне сложно, Адам. Эта глубокая тоска раздражает, но
иногда так приятно раствориться в ней. Прожить ее. Про-
чувствовать. Ведь это означает, что все, что произошло
между нами, было правдой. Представляю, как ты удивишь-
ся, если мы все-таки встретимся в Париже.*

*Мне здесь все в новинку. И так хочется поделиться с то-
бой своими ощущениями от этих перемен. Рассказать обо
всем на свете и ни о чем конкретно. Все такое непривычное.
Даже моя комната. Она такая... типично парижская. Бе-
лые стены и потолок с изящной лепниной вокруг люстры,
мраморный камин, над которым висит огромное зеркало в
золотой раме. Слишком вычурное, на мой вкус. Оно до чер-
тиков меня раздражает, потому что я все время ловлю в*

нем свое отражение и невольно хмурюсь. Усталые голубые глаза, бледная кожа, темные волосы – слишком яркий контраст между цветом кожи и волосами. Мне восемнадцать лет, и, как сказала бы моя бабушка, молодость меня спасает. Однако и молодости не под силу скрыть темные круги под глазами... Зато мне очень нравится маленький балкончик и высокие парижские окна. И, несмотря на помпезность зеркала, комната выглядит аскетично из-за современной мебели из темного дерева и простой кровати с серыми простынями, сидя на которой я пишу тебе эти записочки.

А еще здесь так громко скрипит паркет. Просто ужас! Ему, наверное, столько же лет, сколько этим апартаментам. По нему кто только не ходил. Возникает ощущение, что он не просто скрипит, а рассказывает мне историю этой комнаты. Быть может, сто лет назад здесь жила мадемуазель Габриэль Пюсан, мечтавшая об актерской карьере; вертихвостка, приводившая в эту комнату своих молодых воздыхателей. А может быть, наоборот, это была строгая католичка, которая крестилась каждый раз при виде таких дам, как Габриэль. Впрочем, какая разница... Большой плюс этой квартиры в том, что в каждой комнате есть отдельная ванная, иначе как бы я делила уборную с отчимом. Было бы очень неловко...

Да, у меня появился отчим. Вот такая вот новость. Его зовут Жером Деланье, ему пятьдесят два года, он разведен

и воспитывает дочку Эмму, мою ровесницу. Ему принадлежит сеть ресторанов. Мама безо всяких сомнений оставила старую работу и устроилась его личным помощником. Познакомились они на бизнес-форуме в Нью-Йорке, куда она ездила со своим бывшим боссом. Понятия не имею, почему она не рассказывала мне о Жероме раньше. Может, сама не знала, к чему это приведет. Или же после предательства моего отца ни в ком не была уверена. Я не обижаюсь, каждый из нас имеет право на личную жизнь. Я ведь тоже не рассказала ей о тебе, Адам. Ты – мое личное и сокровенное.

Я мечтаю снова оказаться с тобой в Италии, греться на итальянском солнышке и целоваться с тобой. Я хочу забыть все, что со мной случилось после той поездки. Кто бы мог подумать, что наша с тобой история закончится так глупо? Я не верю, что это конец. Это ведь не может быть концом, правда?

Но я отвлеклась... Я писала тебе о Париже. Что я могу сказать? Привыкнуть к жизни в этом городе будет сложно. Во-первых, он больше, чем Лозанна. Когда я увидела карту метро – вместо двух привычных линий целую паутину, – я чуть было не впала в отчаяние, Адам! Во-вторых, здесь столько туристов! Вы, парижане, практически не замечаете их. Я же при виде толпы теряюсь. Красота Парижа, безусловно, вдохновляет. Мне нравятся небрежный французский шик и раскованность. Они напоминают мне о тебе. Знаю-знаю, ты итальянец! Но ты истинный итальянский

парижанин, и даже не спорь с этим. Но ты, наверное, догадываешься, что мне больше всего нравится в моем переезде? Да, тот факт, что мы с тобой теперь живем в одном городе. Но это не все... Я не могу нарадоваться, глядя на то, какой счастливой стала мама. Я вижу, как сверкают ее глаза, слышу ее смех и понимаю, что любовь – это счастье. Быть любимым и любить.

Переезжать в другую страну в марте, за четыре месяца до окончания школы и выпускных экзаменов, конечно, не самое лучшее решение. Но когда мама в феврале спросила, волнуясь, готова ли я переехать, объяснив, что Жером хочет, чтобы мы жили вместе, я не смогла ей отказать. Да и смысл? Система образования во французской части Швейцарии та же, что и во Франции. Какая разница, где сдавать экзамены? И к тому же мама наконец успокоилась после того несчастного случая со мной.

Эти пять месяцев были сложными не только для меня, но и для нее. А Жером, как выяснилось, отлично умеет поддерживать. Знаешь, Адам, я часто думаю о том, как мне не повезло. Ведь в том, что случилось, нет ничьей вины... У меня теперь огромный уродливый шрам на тыльной стороне ладони. Он все такой же красный, до сих пор не побледнел. Я ненавижу этот шрам всем сердцем. Все пошло наперекосяк в тот день, когда я получила его. В ту ночь я потеряла ниточку, связывающую нас. Признаюсь, я, конечно, ждала тебя в пятницу на Лозаннском вокзале. Помню, как

выходили из вагонов люди, но тебя все не было. Я заглядывала в лица прохожих с надеждой увидеть твои глаза, но увя. Ты не приехал, Адам. Стрелка часов неумолимо двигалась, а вместе с ней уходила и моя надежда. Знай, я не сержусь на тебя. Я бы тоже не приехала в сложившейся ситуации. Я понимаю, почему ты так поступил. Ведь ты ничего не знал, Адам. Но сейчас мы в одном городе, и надежда расцветает с новой силой. Быть может, случится чудо, и мы встретимся. Знаю, в Париже живет несколько миллионов человек. Понимаю, как глупо надеяться. Но ведь любовь, надежда и глупость идут рука об руку!

Я так часто вспоминаю наши итальянские каникулы. Можно сказать, я живу воспоминаниями. Помнишь, как ты показал мне скульптуру Джованни Лоренцо Бернини в галерее Боргезе? Помню, как ты привел меня к ней. Ты был в своей любимой серой футболке, потертой и кое-где порванной. Она обтягивала грудь и бицепсы. Волнистые волосы цвета шоколада немного растрепались. Челка падала тебе на глаза, и ты постоянно ее поправлял, но безуспешно. Я так хорошо помню твои горящие глаза и мальчишескую улыбку. Мне так нравилась легкая небрежность твоего образа. Ты обошел скульптуру вокруг и тоном профессионального гида провозгласил:

– «Похищение Прозерпины», Прозерпина – римский вариант имени Персефоны, богини...

Я не дала тебе договорить.

– Плодородия, – с выдохом закончила я и с восхищением принялась рассматривать статую, – а еще царства мертвых. – Я посмотрела в твои глаза и добавила: – Владычица преисподней.

Это мой любимый древнегреческий миф, Адам. Я никогда не была склонна к романтизму, меня не привлекали сопливые сказки. Но, когда впервые услышала миф о прекрасной Персефоне и Аиде, во мне что-то щелкнуло.

Глядя на эту работу Бернини, я думала: как он смог из куска холодного и грубого камня создать такое? Плавные линии, мягкие струящиеся ткани, эмоции и – самое потрясающее и невероятное! – ощущение живых прикосновений. Он сумел запечатлеть этот миг и в куске камня отразить все чувства, которые испытывают герои. Когда смотришь на скульптуру, Прозерпина кажется совсем крошечной в руках Плутона. Но, присмотревшись к деталям, понимаешь, что фигуры соразмерны. А какие потрясающе красивые руки у Плутона! Они мне напомнили твои, Адам. От таких рук невозможно отвести взгляд. Как бережно он ее держит – забываешь, что это мрамор. Бернини смог сделать камень живым. И это настоящее волшебство! Видимо, мое лицо выражало неподдельный восторг, потому что ты неожиданно сказал мне:

– Лоренцо создал эту работу, когда ему было двадцать три года. В будущем он напишет: «Я победил мрамор и сделал его пластичным, как воск».

Руки у меня покрылись мурашками, я поймала твою ладонь, переплела наши пальцы и завороченно прошептала:
– Он сделал это, Адам. Он победил мрамор.

Мы молча стояли перед скульптурой, и я чувствовала твой внимательный взгляд. Ты изучал меня. Уверена, ты очень хотел спросить: «Ты наконец впечатлена?» Ведь до этого ты показал мне столько достопримечательностей, но, лишь глядя на эту скульптуру, я почувствовала, что меня бьет нервная дрожь. Казалось, ты хотел понять, что именно меня так тронуло. Но ты молчал, позволив мне поделиться сокровенными мыслями.

– Знаешь, злодеи всегда нравились мне больше добрых рыцарей, – взволнованно начала я. Ты крепче сжал мою руку, словно пытался сказать «Продолжай». – Я уже говорила, что, на мой взгляд, все положительные герои похожи между собой, отчего их можно назвать немного скучными. Слишком предсказуемыми. Злодеи же способны удивлять своими поступками, – первый раз говорила я, а ты меня слушал. – Мой любимый тип персонажа – благородный злодей. Тот, что совершает добро вопреки своим принципам. Понимаешь?

Ты молча кивнул, будто боялся меня спугнуть, словно тебе было очень важно меня выслушать.

– В мифах говорится, что Аид, владыка царства мертвых, пораженный красотой Персефоны, богини плодородия, украл ее и заставил стать его женой.

Я разглядывала статую, запечатлевшую момент похищения. Она действительно выражала столько эмоций: ужас и страх Персефоны, ее отчаянная борьба с похитителем, упрямство Аида, его превосходство над слабой девушкой. А рядом невозмутимый Цербер – трехголовый пес, верный слуга своего хозяина.

– Мне всегда хотелось прочитать альтернативную версию этого мифа, где прекрасная Персефона, несмотря ни на что, выбирает Аида. Понимаешь, Адам? – Я заглянула в твои глаза, мне так хотелось увидеть в них понимание и принятие. Ты внимательно слушал меня, и мне показалось, что ты меня слышишь. По-настоящему слышишь. Твой искренний интерес придал мне уверенности, и я продолжила: – Юная дева осознает, что ей не нужен свет, она готова полностью раствориться во тьме Аида. Персефона смогла увидеть в Аиде нечто такое, от чего ей захотелось съесть преподнесенный им гранат – символ брака. Я часто представляла эту сцену... Маленькие алые зернышки в тонкой руке девушки. Возможно, она хотела бы вернуться на поляну, где Аид впервые ее увидел. Возможно, мечтала вновь почувствовать росу под пальцами ног, благоухание роз, лучи солнца и ветер в волосах. Но она медленно протягивает ему ладонь и тихо шепчет: «Я стану твоей королевой. Будь моим королем». Понимаешь, Адам? – спросила я снова.

И вместо ответа ты поцеловал меня, обхватив руками мое лицо. Я приподнялась на носочках и обняла тебя, рас-

творившись в этом мгновении.

Ты не просто понял меня, Адам. Ты чувствовал то же самое. Легко полюбить свет, гораздо сложнее – тьму. А у каждого из нас есть темная сторона, которую мы боимся показывать людям, та, что больше всего нуждается в любви, принятии и понимании. Та, в которой скрываются наши обиды, боль, злость, страхи и терзания. И исцелить ее под силу только любви. Но где найти человека, который не убежит в страхе, увидев эту боль? Где найти человека, готового полюбить эту тьму? Целуя тебя перед статуей Персефоны и Аида, я на секунду подумала, что нашла того самого человека. Своего Аида, своего Гадеса, своего Плутона. Я романтизирую тебя, знаю. Возможно, наша любовь была лишь моей фантазией. От этой мысли мне становится так больно, что я не могу уснуть ночами. Воспоминания будят во мне прекрасные чувства, ровно до тех пор, пока я не возвращаюсь в реальность, в которой не знаю, где ты сейчас, как связаться с тобой, как найти тебя, Адам.

В прошлом все было иначе: я могла целовать и обнимать тебя, быть с тобой. Те итальянские каникулы были лучшими в моей жизни. Потому что я встретила тебя. Может быть, поэтому я пишу о тебе в три часа ночи. Мне хочется хвататься обеими руками за прошлое и проживать его вновь и вновь.

Глава 2

Лили

ШКОЛА, В КОТОРОЙ УЧИТСЯ моя сводная сестра Эмма, намного больше моей старой. Мы идем по коридору, и я еле поспеваю за ней. Она радостно здоровается с учениками и каждому представляет меня:

– Это моя сводная сестра Лили!

После чего следует черед имен, которые я, конечно, не запоминаю. Эмма сияет, словно солнце, светлые волнистые волосы обрамляют ангельское личико с ярко-голубыми глазами. Уголки губ всегда приподняты в милой улыбке, а кончик носа слегка вздрагивает, когда она громко смеется. Если бы не Эмма, переезд в Париж дался бы мне крайне сложно, но она взяла меня под свое крыло. Не то чтобы мы с ней в одно мгновение стали лучшими подругами. Нет, конечно. Я все еще не знаю, что она за человек. До переезда мы виделись два раза. Один раз в Лозанне: она приехала с отцом навестить нас. Второй раз в Париже, когда родители обговаривали детали переезда. Всякий раз Эмма будто присутствовала лишь наполовину, она всецело была поглощена перепиской по телефону. Жером, извинившись, объяснил, что она бьюти-блогер и много общается с подписчиками. Я даже не искала ее страницу в сети. У нас не было ни душев-

ных разговоров, ни бессмысленного трепя о том, как мы рады стать семьей. Обе понимали, что нам эти перемены ни к чему, но родители счастливы, поэтому мы, не сговариваясь, решили быть вежливы друг с другом. Никогда в жизни моя мама столько не улыбалась, или же я не помнила о тех временах, когда улыбка не сходила с ее лица. Эмма хватает меня под локоть.

– У тебя в Лозанне, случайно, не остался парень? – неожиданно спрашивает она, и я качаю головой.

– Нет, у меня нет парня ни в Лозанне, ни где бы то ни было.

Эмма хмыкает, и ее губы расплываются в улыбке.

– Думаю, в Париже эта ситуация быстро изменится, – лукаво шепчет она и демонстративно кивает в сторону.

Я слежу за ее взглядом и вижу симпатичного парня у окна.

– Я сейчас вас познакомлю, – тут же говорит она и тащит меня в его сторону.

В зеленых глазах парня появляется веселый блеск.

– Это Лили, моя сводная сестра! – не изменяя себе, тараторит Эмма.

– Поль, – представляется он и одаривает меня двумя поцелуями в щеки. Не тремя. Все никак не привыкну к парижской традиции. Я чувствую аромат, исходящий от него, приятные древесные ноты. – Рад знакомству, Лили, – с хрипотцой в голосе, глядя мне прямо в глаза, произносит он.

– И я, – отвечаю скорее по инерции.

Мое сердце не екает при виде этого красавчика. Поль – видный парень: высокий, крепко сложен и обладает тем самым мальчишеским обаянием, которое сводит с ума девчонок. Он того типа парней, которые вальяжно расхаживают по школе, лукаво улыбаясь. Мечта всех тихонь. Но он не вызывает у меня никаких чувств: ни волнения, ни трепета, ни даже любопытства. Я забуду о нем через минуту...

Мы отходим от Поля, и Эмма, хмурясь, спрашивает:

– Он что, не в твоем вкусе?

Она явно ждала от меня восторга, а может, и благодарности, ведь не так часто девушки знакомят своих подруг с красивыми парнями. Я пожимаю плечами и ничего не отвечаю.

– Ладно, тогда опиши свой типаж, – просит она не без интереса в голосе, – уверена мы найдем нужную кандидатуру, и не вздумай говорить, что необходимо сосредоточиться на учебе. Это уныло и неинтересно. Мы молоды, прекрасны и должны влюбляться! Всем нужна любовь.

Я смотрю на нее и не знаю, что сказать. Эмма старается быть внимательной. Ее телефон несколько раз пищит, уведомляя о новых сообщениях. Но она упорно не берет его в руки и пытается вести со мной диалог. Рассказывать ей о парнях, которые мне нравятся, не хочется. Да и что я расскажу? В моем вкусе таинственный кареглазый парень с выющимися волосами и доброй улыбкой? Таких миллион, но один из них стал для меня особенным. А еще его зовут Адам. Он отлично рассказывает истории, забавно шутит, говорит на

итальянском и готовит лучшую бюджетную пасту с сосисками. Я могу есть ее килограммами. Может, мне стоит рассказать, какой он талантливый художник, как он рисовал меня, как смотрел на меня или целовал... или как мы проводили вместе ночи? Лучшие ночи в моей жизни. Или, быть может, мне стоит рассказать печальную историю о том, как на каникулах в Италии я познакомилась с парнем своей мечты, а после потеряла с ним связь? Вот уже пять месяцев не могу перестать думать о нем, вспоминаю каждое мгновение, проведенное с ним. Мечтаю и надеюсь, что мы все-таки встретимся. Но я понимаю, что шансы увидеть его вновь ничтожны, и от этого становится чертовски грустно.

Эмма аккуратно толкает меня в бок:

– Эй, ты о чем так задумалась? Все хорошо?

Я откашливаюсь и пытаюсь улыбнуться.

– Все хорошо, но, боюсь, нет определенного типажа, который мне нравится.

– Ну и ладно, – махнув рукой, говорит она, – извини, если лезу не в свое дело.

– Да нет, все нормально.

Эмма в очередной раз улыбается, и я ловлю себя на мысли, что хотела бы быть, как она. От нее исходит позитивная энергетика, я не могу представить ее грустной, расстроенной или унылой, настолько она кажется жизнерадостной. Пока я разглядываю ее, она неожиданно срывается с места и громко визжит.

– К черту выходные, я так сильно скучала по тебе!

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, к кому она обращается, и, клянусь, я готова провалиться сквозь землю. До боли знакомые руки обнимают ее. И тот самый голос, который я вновь мечтала услышать, говорит ей:

– Я тоже скучал.

Он притягивает ее ближе и целует без стеснения и робости. С нескрываемым наслаждением, а она отвечает ему так же жадно. Губы, которые целовали меня, сейчас целуют другую. Я перестаю дышать.

– Я должна тебе представить кое-кого! – отрываясь от него, улыбаясь и явно испытывая легкую неловкость, говорит Эмма. – Знакомься, моя сводная сестра Лили. Лили, это Адам – лучший в мире парень!

Он поворачивает голову и резко замирает. Улыбка медленно сползает с его лица. Он смотрит на меня, я смотрю на него. Кажется, время останавливается, все вокруг теряет четкость. Карие глаза вглядываются в мои, прямо, упорно, будто он думает, что я мираж, и не может поверить в увиденное. Словно он ждет, когда я рассеюсь в воздухе. Я слышу собственный пульс в ушах, чувствую, как бледнеет кожа, как сердце внутри бьется сильнее и пропускает удар за ударом. Дыхание становится тяжелым.

– Приятно познакомиться, – говорю я дрожащим голосом, и он вздрагивает, как от пощечины. Да, приятно познакомиться, Адам. Знакомство дубль два. А о первом мы никому

не расскажем.

Глава 3

Эмма

Пять месяцев назад

Я ОПАЗДЫВАЮ, ПУТАЮ ВЫХОДЫ метро и оказываюсь в тупике. Чувствую, как пот течет по шее и вдоль позвоночника. Не могу успокоиться, включить голову и наконец прочитать надписи на указателях и разобраться, где именно скрывается выход к Лионскому вокзалу.

К черту все, надо было заказывать Uber, вот только на улице шел дождь, и ожидание машины казалось вечностью. А я так сильно хочу его увидеть.

Адам... Мы не виделись всего две недели, но у меня ощущение, что прошла целая жизнь. Он провел осенние каникулы в Италии, и каждый день я жалела, что не поехала вместе с ним. Скажи я, что тоже мечтаю погулять по Флоренции и Риму, он тут же выбрал бы мне билеты и распланировал всю поездку. Но мне хотелось, чтобы инициатором совместной поездки был он. Чтобы позвал меня провести каникулы вместе, уговаривал, рассказывал про красоту Италии и заманивал вкусной едой. Вместо этого он как ни в чем не бывало попрощался со мной...

Может, для него две недели без меня не то же самое, что для меня полмесяца без него. А я дико скучала по нему.

Сегодняшнее утро началось паршиво. Мама посмотрела мой бьюти-обзор новой палитры теней ярких оттенков: «Красные тени... Отвратительно, Эмма! Просто отвратительно! Ты похожа на жертву домашнего насилия. Отеки, синяки – вот что я увидела в твоём последнем видео, это совсем не похоже на модный макияж! Может, уже хватит позориться?»

Если хоть раз в жизни я получу от своей матери сообщение со словами: «Молодец, горжусь тобой!» – то могу быть уверена на миллион процентов, что она просто ошиблась адресатом и сообщение было предназначено не мне.

«И вообще, что на тебе надето? Как можно было надеть для съёмок эту отвратительную кофту? Выброси ее сейчас же: она укорачивает и без того короткую шею, а рукава подчеркивают массивность рук. Эмма, тебе сложно посмотреть на себя в зеркало перед записью?!» – так говорит она про вещи, которые я покупаю самостоятельно.

Надо отдать маме должное – она стилист, у нее действительно отменный вкус. Долгое время она работала в модных журналах, делала раскладки вещей, писала о том, что в тренде, о модных принтах и брендах, а также делала разборы образов знаменитостей и особенно любила описывать их фешн-провалы.

Делала она это с нотками злой иронии. Читатели были в

восторге. Я вообще заметила, что негатив вызывает в социальных сетях гораздо более живой отклик, нежели похвала и хорошие отзывы. Стоит мне рассказать о недостатках какой-нибудь косметики, как этот пост смотрит в разы больше пользователей, чем тот, где я признаюсь в любви создателям косметических линий.

Я не должна обращать внимание на язвительные комментарии моей матери, но не могу – ее слова всегда меня задевают. Каждый раз, когда она появляется на публике, окружающие восторгаются ее стилем. Маме достаточно одного взгляда на человека, чтобы определить типаж и в считанные минуты составить для него модный гайд. И это будет очень крутое руководство по стилю. Но только мне надоело обращаться к ней всякий раз, когда я хочу купить себе что-нибудь. Она злится, когда я не советуюсь с ней. Поэтому навязывает свое мнение, даже когда я не прошу помощи.

Самое обидное, что не только мама обратила внимание на мои руки и короткую шею. После публикации видео несколько человек оставили комментарии, порекомендовав мне не носить кофточки подобного кроя. Конечно, они сделали это вежливо и только из добрых побуждений. Но действительно ли их побуждения добры? Чем руководствуются люди, когда навязывают свое мнение, на которое они имеют право, другому человеку? Они прикрывают заинтересованностью и добрыми советами стремление продемонстрировать свой ум, вкус и чувство стиля, забывая о чувстве такта. Ведь они

мне не друзья, а посторонние люди. Мне кажется, что большинство из них в глубине души понимают, что делают мне больно. Я не просто злюсь на подобные комментарии... Я начинаю считать себя бездарностью, думать, что у меня ничего не получается. Моя неуверенность подпитывается маминой критикой и комментариями подписчиков... Сколько бы раз я ни говорила себе, что нужно перестать реагировать, все тщетно. Хорошие сообщения поднимают мне настроение, плохие убивают самооценку. Как достичь баланса, я все еще не знаю. Из-за этого в последние две недели у меня ужасное настроение. Мне срочно нужно увидеть Адама. Один взгляд его теплых карих глаз – и я начну чувствовать себя лучше.

Мы познакомились в первом классе. Адам тогда только переехал из Флоренции в Париж и даже не говорил по-французски. А я была полной девочкой, над аппетитами и размерами которой смеялись многие одноклассники. Говорят, дети не бывают злыми, но это полная чушь. Дети прямолинейны. И там, где взрослый вежливо промолчит, ребенок без зазрения совести скажет все, что думает. Мой вес комментировали все дети в классе. «Пухляш Эмма» – вот как называли меня. Порой я думаю, что могло быть и хуже. Над Адамом смеялись, когда он говорил по-французски, передразнивали его акцент и ошибки. Иногда одноклассники специально говорили с ним очень быстро, чтобы он не понимал, что ему хотят сказать.

А еще был классический прикол: одноклассники просили Адама повторять ругательства, значения этих слов он на тот момент не знал. Так и началась наша дружба: как часто бывает, два изгоя объединились и забили на одноклассников.

Сейчас Адам — красавчик и свободно владеет двумя языками. Девочки постоянно виснут у него на шее, стараясь понравиться ему. Но у него есть я, и ему больше никто не нужен. При мысли об этом на душе становится так тепло...

Вот только его поезд с минуты на минуту остановится на перроне, а я опаздываю и все еще не нашла выход. Мне нужно к терминалу номер два. После того как мне удастся сосредоточиться, я наконец нахожу нужное место. Чувствую характерный запах вокзала, людей очень много. Так и хочется раствориться в толпе. Или уехать туда, где тебя никто не знает. Понятия не имею, откуда в голове появляются подобные мысли, но они часто посещают меня.

Я смотрю на табло. Его поезд придет на путь D, и до прибытия остается 7 минут. Мне повезло, поезд задерживается. Проверяю уведомления в телефоне. «Вышло не очень, ты все еще не умеешь работать с цветом. Похоже на два свежих фингала». И под этим комментарием 100 лайков. Подписчиков у меня всего полторы тысячи. За последний год эта цифра стоит... Кто-то уходит, приходят новые люди. Но роста, к сожалению, нет. «Мне кажется или ты немного поправились? На видео в сентябре выглядишь стройнее». И прямо под этим комментарием вопрос: «Как твоя диета?» Моя ди-

эта канула в Лету. Последнюю неделю я засыпала практически в обнимку с банкой «Нутеллы» и багетом. Порой мне так сложно сказать себе нет... И, как назло, я сразу же набираю вес. Под видео есть и хорошие комментарии. В целом больше лайков, нежели дизлайков. Но именно негативные комментарии застревают в голове. Ведь эти люди правы: макияж вышел неважный, я поправились и, как сказала мама, похожа на слониху без шеи. Настроение стремительно опускается ниже нуля. Я так старалась сделать красивый макияж, но вышла какая-то ерунда. Почему у меня ничего не получается?

Создать YouTube-канал было моей мечтой, но помог мне во многом Адам. Помню свой первый видеوماкияж. Ярко-желтые тени и зеленая подводка. Стрелки получились длинными, и на концах я нарисовала маленькие листики.

– Ты девочка-весна! – сказал тогда Адам и помог мне смонтировать видео.

Он никогда не смеялся над моими образами. Напротив, всегда поддерживал во мне это стремление к творчеству. Однако он не мог знать, как комментарии и критика будут влиять на меня.

Неожиданно мне закрывают глаза, и я ахаю. Как всегда, пялилась в телефон и не заметила, как пролетело время, а Адам тут как тут.

– Я очень скучала! – ною я, он опускает руки и приобнимает меня за плечи.

– Чего стоишь такая грустная? – Его голос... Как же я

люблю его голос! Мягкий, приятный. – Опять твои фанаты комментов понаписали? – Он знает меня как свои пять пальцев.

– Ну да, говорят, что я жирная и руки у меня из одного места растут.

Он разворачивает меня к себе лицом, и я так рада, что он наконец приехал. Целую его в щеку и нараспев говорю:

– Слов не хватит описать, как я счастлива тебя видеть!

– Хватит читать комментарии, – вместо ответа, нахмурившись, говорит он. Забирает у меня из рук телефон, выключает звук и кидает телефон мне в сумку. – Делай, что тебе нравится, и все. Ты же не заставляешь их смотреть твои видео, не говоришь, что визажист от бога, и не берешь за курсы большие деньги.

– Дело не только в них... Мама, как всегда, вставила свои пять копеек. Скажи, Адам, у меня правда короткая шея?

Он закатывает глаза и, взяв меня за руку, ведет к выходу из вокзала.

– У твоей мамы болезнь, она считает, что все вокруг должны быть идеальными и совершенными. Но забывает: если для нее это важно, для других – нет.

– Так значит ли это, что у меня короткая шея и всем на это плевать?

– Эмма, у тебя нормальная шея, и большинству правда плевать, какой она длины. Не поверишь, но когда парни знакомятся с девушкой, они смотрят на нее в целом. Никто не

присматривается и тем более линейкой не измеряет шею. Да даже обхват талии и груди. Все происходит на глаз, – говорит он с иронией в голосе.

Я усмехаюсь и крепче стискиваю его ладонь. Адам – мой лучик солнца. Он всегда найдет нужные слова, чтобы поддержать меня. Когда необходимо, по-настоящему пожалеет, когда надо – рассмешит. Он идеально чувствует мое настроение. Каштановая прядь падает ему на глаза, и он привычным движением пытается откинуть ее. Потрепанные кеды, мятая майка и джинсовая куртка. Несмотря на небрежный вид, он похож на модель Calvin Klein. Особенно без футболки. Бабочки начинают порхать у меня в животе каждый раз, когда я могу видеть его красивое тело. Правда, случается это крайне редко.

– То есть на глаз у меня нормальная шея? – с усмешкой интересуюсь я, и он, озарив меня улыбкой, отвечает:

– Прекрасная, невероятная, самая потрясающая шея из всех, что я видел! А если серьезно, хватит реагировать на слова матери. Для нее никто, кроме нее самой, никогда не будет достаточно совершенен.

– Я знаю, что ты прав. Но, как бы ни старалась, не могу перестать реагировать. Прошлый раз она так орала на меня за то малиновое платье, которое я надела на день рождения тетушки Аннет. Она довела меня до слез прямо на празднике. Порой мне кажется, что я ненавижу ее, и это пугает меня.

Адам останавливается и заглядывает мне в глаза:

– Ты должна ей это сказать, Эмма. Серьезно. Пока ты молчишь и держишь все в себе, она и не догадывается о том, что ты чувствуешь. Выскажись один раз, и пусть она услышит, как ее критика портит тебе жизнь.

Я обнимаю его, потому что он единственный, кто понимает меня, никогда не судит за мои слабости и несовершенство. Если я скажу это все матери, она назовет меня слабохарактерной истеричкой, добавит, что желает мне только лучшего, но раз я не в состоянии думать головой, то ее величество больше не будет тратить на меня ни нервов, ни сил, ни времени. А я буду чувствовать себя последней дурочкой и... брошенной. Брошенной в очередной раз.

– Не грусти, Эмма, давай сядем в кафе и закажем по десерту?

– Я и так поправилась! – хнычу я, и он ласково гладит меня по волосам.

– Тебе не надо худеть.

Я его не вижу, но готова поклясться, что он снова закатывает глаза.

– Надо...

– Ни один мужчина на планете Земля никогда не будет против груди третьего размера. Все ваши стремления похудеть – это женские тараканы.

– Тебе тоже нравится грудь третьего размера? – с улыбкой спрашиваю я, словно в шутку, но на самом деле мне интересно, считает ли меня привлекательной мой лучший друг.

– Конечно! Тех, кому не нравится, просто не существует, или же им нравятся мальчишки. Но тут ни одна грудь не поможет.

Я начинаю смеяться, он тоже улыбается.

– Кофе и пирожное?

– Звучит идеально.

– Тогда решено.

Однажды я наберусь смелости и признаюсь ему в своих чувствах. Хотя я и мечтаю, что он сделает это первым... Вот только я не знаю, суждено ли моим мечтам сбыться. Звонит телефон, Адам начинает что-то быстро-быстро говорить по-итальянски. Из телефона доносится характерное «Адамо!» – так называет его бабушка. А еще я замечая, что у него полностью разбита камера.

– Бабушка спрашивает, как я добрался, – закончив разговор, поясняет он.

– А что у тебя с камерой?

– Не поверишь, но по моему телефону проехал велосипед. В первый же день во Флоренции. Камера вообще не работает, и экран полностью разбит.

– Так ты поэтому не присылал мне фотки! – с облегчением восклицаю я. – А я уже сидела и думала, почему ты меня игнорируешь!

– Эмма, я не игнорирую тебя. Писать сообщения просто невозможно, посмотри на этот экран... Сенсор практически не реагирует... А фотки – как уже сказал, камера не работа-

ет.

– Но ты и не звонил толком, – тихо говорю я, мне не хочется быть человеком, который выпрашивает внимания. Однако он и правда не звонил мне...

– Был немного занят, прости Эмс, – добродушно просит он прощения, и я не могу скрыть улыбку.

Эмс – детская кличка, которую он мне придумал. Адам тогда сказал, что мы с ним как M&M's. Всегда вместе, друзья – не разлей вода. Так называет меня только он.

Мы выходим из здания вокзала. В воздухе витает слабый запах мокрого асфальта, но дождя уже нет. Мы перескакиваем через лужи, и я разглядываю серый осенний любимый город. Меня накрывают воспоминания из детства. Когда я была маленькой, родители отправляли меня на лето к бабушке в солнечный Бандоль. Я так любила возвращаться в Париж! Чаще всего в конце августа мами сажала меня на поезд, просила кондуктора проследить за мной, и спустя четыре часа на перроне ждал папа. Мами никогда с ним не было, но меня это не расстраивало. У мами я всегда поправлялась, а мама потом сокрушалась, что я опять набрала вес за лето. Но то было по возвращении в нашу старую квартиру. А на вокзале я бежала к папе так быстро, как только могла. Он обнимал меня, поднимал и начинал кружить в воздухе, словно я ничего не весила. Потом я держала его за руку крепко-крепко, и он вел меня к выходу, точно так же, как и Адам сейчас. И вот на выходе я оказывалась на площади Луи Армана, и

вся красота Парижа представляла передо мной как на ладони. Террасы кафе, старинные здания. Чувство, что я вернулась наконец домой. Мне очень нравилось проводить лето у мамы. Но возвращаться я любила еще больше.

Адам тянет меня за руку, и меня греет мысль, что с виду мы выглядим как самая настоящая парочка.

– А где твоя папка с рисунками? – неожиданно поняв, чего не хватает, спрашиваю я. Так всегда... чаще всего я обрушиваю на него свои проблемы и переживания, совсем забыв поинтересоваться о том, как у него дела. Сегодня не исключение. Мне становится стыдно. Он только приехал, и первое, что я вылила на него, – это нытье и мои комплексы. Адам очень талантливый художник. И везде с собой носит огромную папку с работами, а я даже не сразу заметила, что ее нет...

– Я оставил ее в Риме. Трубы лопнули в последний день, пока меня не было дома. Папка стояла на полу и испортилась. Но рисунки некоторые спасла. Я оставил их там, не было времени покупать новую. Да, некоторые работы намокли, они так и остались лежать на батарее.

– Как лопнула? Ты залил соседей?

– Да, но там сейчас бабушка, так что не переживай, она со всем разберется. Моей вины в потопе нет.

– Жаль твои рисунки, я так хотела посмотреть, что ты успел нарисовать за эти две недели, – говорю я искренне.

Мы переходим дорогу, и Адам тянет меня к ближайшему

кафе. Мы располагаемся на террасе, на изящных плетеных стульчиках, и Адам заглядывает мне в лицо, словно хочет что-то рассказать. Он немного загорел в Италии, кожа стала золотистой, а волосы выгорели на итальянском солнце. Его губы расплываются в застенчивой улыбке.

– Я бы тебе все равно не показал, – признается мне Адам.

– Это еще почему?

– На большинстве набросков девушка... и она голая, – до-вольно заявляет он, и у него на лице появляется широкая улыбка.

Мое сердце пропускает удар, но я силюсь улыбнуться в ответ и стараюсь как можно более естественно спросить:

– Так ты там познакомился с девушкой? Нашел музу на время каникул? – Я усмехаюсь и добавляю с ехидством: – В любом случае я бы посмотрела твои рисунки. У нее нет ничего такого, что могло бы меня удивить.

Адам слегка барабанит пальцами по столу и говорит уже совсем серьезно:

– Все серьезно, Эмма. Она мне действительно очень нравится. Знаешь, даже удивительно, насколько сильно.

Его признание застает меня врасплох. Он влюблялся несколько раз: в девятом классе в одиннадцатиклассницу. В шестом – в девочку из параллели, а прошлым летом у него был короткий роман с американкой, которая приехала в Париж на две недели учить французский. Что ж, она практиковалась каждый день. До сих пор вспоминаю эту девицу с от-

вращением. Но я видела, что и для Адама встречи с ней были всего лишь развлечением. Еще ни разу в жизни он не рассказывал мне таким тоном ни об одной девушке. Мое сердце сжимается.

— Подожди, ты ведь не мог влюбиться... — говорю я с волнением. — Я имею в виду, что каникулы длились всего две недели.

— Считаешь, невозможно влюбиться за две недели? — с улыбкой уточняет он. — Эмма, ты порой такая смешная, будто есть какие-то правила, за какое время человек может влюбиться.

— Адам, не будь легкомысленным. Две недели — очень короткий срок, чтобы узнать человека. Ты же шутишь, да? Ты не мог влюбиться...

Скажи, что шутишь. Скажи, что прикалываешься. Скажи что угодно, только не отвечай, что влюбился. Адам задумчиво хмурится, но ответить не успевает. Официант наконец-то решает принять у нас заказ.

— Аллонже, капучино и мильфей, пожалуйста, — делает заказ мой лучший друг, а у меня на глаза наворачиваются слезы. Он даже не спросил меня, что я буду, и не потому, что не обладает чувством такта. А потому, что нас связывает столько лет, Адам знает обо мне все.

— Какая она? — тихо спрашиваю я, и на его лице появляется мечтательная улыбка. Его реакция хуже, чем нож в спину, хуже, чем все плохое, что когда-либо со мной происходило.

– Она вообще не в моем вкусе, – глупый смешок слетает с его губ, – миниатюрная, худенькая, и такая... с характером, вспыльчивая... – Он проводит рукой по волосам, взъерошивая их.

Я не даю ему договорить, перебиваю:

– Тогда что тебе в ней нравится?

А у самой в голове эхом отзывается: «Маленькая, худенькая».

Адам пожимает плечами:

– Она очень добрая, красивая, хохотушка, с ней интересно и вообще... звучит до ужаса банально, но поди пойми, что мне так нравится. Просто нравится. – Он замолкает и тянется в карман за пачкой сигарет. – Веришь или нет, я расстался с ней только вчера вечером. Но уже скучаю. Скорее бы пятница.

В первый раз в жизни я жалею о том, что у нас с ним нет запретных тем. Он всегда откровенно делится со мной происходящим в жизни. Обычно я этому только рада, но не сейчас. Я лезу в сумку за очками, солнца нет. Но мне необходимо скрыть глаза, полные слез и отчаяния.

– А что будет в пятницу? – откашливаясь, хрипло спрашиваю я.

– Поеду к ней на выходные. Так хочу ее увидеть, Эмма. И так хочу вас познакомить, она тебе точно понравится!

Я подсказываю со стула, чувствуя, что, если останусь хоть на минуту дольше, наброшусь на Адама с обвинениями:

«Как ты мог полюбить кого-то, кроме меня!» Понимаю весь идиотизм подобных упреков, но все внутри переворачивается от злости, негодования и ревности. Будто он меня предал.

– Я совсем забыла, у меня встреча с Полин. Ей срочно-срочно нужна моя помощь, – запинаясь, произношу я.

– Какая Полин, о чем ты? – Адам встает со стула и пытается поймать меня за руку. – Ты же писала, что специально все отменила, чтобы мы провели вечер вместе.

– Говорю же, забыла! – уклоняюсь от его руки и бегу в сторону метро.

Главное, не попасть под машину... в темных очках вообще ничего не вижу, слезы полностью застилают глаза. Кто-то громко сигналист, и мне в спину летят ругательства. Но я не могу перестать бежать, не могу извиниться, не могу остановиться. Ноги несут меня вперед. И в очередной раз во мне появляется острое желание убежать от собственной жизни. Сесть на поезд и оказаться там, где никто меня не знает и где я смогу начать с чистого листа. Адам влюбился. В худенькую, миниатюрную... скучает по ней и ждет с нетерпением встречи. Он, наверное, и не вспоминал обо мне на этих каникулах. А я... а я... каждую секунду проверяла телефон в ожидании его звонков и сообщений. Он был занят, сейчас я понимаю, чем именно. И осознание разрывает меня изнутри.

Я действительно решаю пойти к Полин, она живет в 16-м округе, около Булонского леса. Я очень люблю этот спальный

район, здесь спокойно, лес считается местом для семейного отдыха, как бы смешно это ни звучало.

Я не звоню в домофон, мне везет – из подъезда выходит молодой парень с собакой. Довольно симпатичный, уверена, моя подруга его уже заметила и даже успела с ним пофлиртовать. Полин живет на шестом этаже в дуплексе вместе с родителями и братом. Последнего я не очень хочу видеть сейчас. Поль и Полин – двойняшки. Внешне они очень похожи. Оба красивые зеленоглазые шатены. Но если с Полин я подружилась практически сразу, то с Полем наши отношения варьируются от «Я тебя не ненавижу» до «Сегодня ты даже сносный». Я стучу в дверь, мне открывает Селин – мама Полин. Она в халате с чашечкой кофе в руке, светлые волосы собраны в небрежный пучок на макушке.

– Добрый день, надеюсь, я вас не побеспокоила. Полин дома? – на одном дыхании выпаливаю я.

Конечно, надо было набрать подруге и уточнить это до того, как пересеку полгорода. Но мне не хотелось брать в руки телефон и видеть новые комментарии под последним видео. Уверена, Адам тоже звонил. Если Полин сейчас нет дома, я даже не знаю, что буду делать.

– Привет, дорогая! Да, эта лентяйка у себя в комнате, пишет эссе по истории, на которое, конечно, за две недели каникул у нее не было времени. – Она открывает дверь шире и жестом приглашает меня войти.

– Заходи, уверена, она будет счастлива тебя видеть и за-

ставит ей помогать.

– Тогда поднимусь к ней? – спрашиваю я, разуваясь.

Селин не терпит, когда в ее доме ходят в уличной обуви.

– Да, конечно. Что-нибудь хочешь – кофе, воду?

– Нет-нет, не беспокойтесь. Мне лишь нужно поговорить с Полин.

Я стараюсь вежливо улыбнуться и поднимаюсь по деревянной лестнице на второй этаж. Без стука врываюсь в комнату своей подруги, она подскакивает на постели и поправляет майку с лифчиком.

– Эмма! – раздраженно произносит она и выдыхает: – Ты до чертиков напугала меня! Тебя не учили стучаться, а?

– Твоя мать сказала, что ты пишешь эссе по истории. Я не думала, что ты занята компрометирующими снимками.

– «Компрометирующими», господи... – сердито говорит она. – Только ты можешь назвать так нюды! Закрой дверь!

– И что ты опять делаешь?

– Мне скучно, и я кое с кем флиртую.

– А как же эссе?

– Эссе мне пишет Антуан.

– А Антуан будет сдавать за тебя экзамены в конце года? – не удержавшись, спрашиваю я, и Полин качает головой:

– Какая же ты зануда!

Я присаживаюсь к ней на постель. Комната уютная, в нежно-розовых тонах. Я разглядываю многочисленные плакаты, развешенные по всей стене. На них мелькают ребята из сери-

ала «Элита», по которому Полин сходит с ума. А на потолке висит огромная фотография Тимоти Шаламе.

– С кем флиртуешь? – спрашиваю я, потому что не знаю, как рассказать ей об Адаме. Мы с Полин дружим последние три года, но если с Адамом мне говорить всегда легко и просто, то открываться ей крайне сложно. Она порой слишком язвительная и мои переживания высмеивает и не принимает всерьез. А еще она легкомысленна и не из тех барышень, которые верят в любовь до гроба и вообще в то, что любовь существует.

– У меня новый сосед, у него такой милый лабрадор, но сам он милее, честное слово!

– Я, кажется, встретила его, когда заходила в дом. Высокий кареглазый блондин?

Полин подпрыгивает на постели, и ее глаза начинают сверкать.

– Да-да! Именно он! Его зовут Климо, он учится на первом курсе университета Дофин, на экономическом факультете!

– Он правда симпатичный.

– А еще у него железный пресс, – восторженно щебечет моя подруга, она уже не злится на меня за бесцеремонное вторжение и под нос сует свой телефон, показывая селфи в зеркале в ванной того самого парня, с которым я столкнулась при входе. Вокруг его бедер обернуто полотенце, кожа мокрая, мышцы пресса напряжены, волосы взъерошены, а

в томном взгляде отчетливо читаются гордость и самовлюбленность.

Я не сдерживаюсь и ехидничаю:

– Уверена, он пукнул, пока фотографировался. Так напрыгся, что испортил воздух.

Полин хохочет и валит меня на постель.

– Обожаю тебя, Эмма. У тебя в крови течет антидот от таких красавцев. А вот у меня, к сожалению, нет. Но ты не подумай, я не влюбилась, это всего лишь игра.

– Развлекайся, пока молодая! Так бы сказала моя бабушка.

– А моя бабушка говорит, что надо искать богатого, – со смешком произносит Полин и, отложив телефон, продолжает: – Сделать правильный вклад в свое будущее и пользоваться молодостью! Время слишком быстро пролетит. И вот через десять лет ты не так свежа.

– Странно слышать подобное от твоей мамы... Сколько ей сейчас? Семьдесят, да? А выглядит на шестьдесят.

– Ей восемьдесят, и, по ее словам, она так хорошо выглядит, потому что, будучи молодой, сделала правильный вклад в свое будущее.

– Ты бы смогла выйти замуж за старика-миллионера? – Глупый вопрос, глупые разговоры. Все что угодно, лишь бы не думать об Адаме.

– Я бы ему вечно изменяла с такими, как Климо, и даже не чувствовала бы угрызений совести! – смеясь, признается

Полин.

Она мне нравится за честность и за то, что не стесняется быть собой. Полин вечно беззаботно с кем-то флиртует. Такая веселая, беспечная. Но не дурочка, за которую парни по ошибке ее иногда принимают. Ей просто бывает скучно, и в такие моменты она находит себе новую игрушку.

– Ты зачем пришла, Эм? – неожиданно серьезно спрашивает она, и я чувствую ее настойчивый взгляд. Она изучает мой профиль. – Что-то случилось, ведь так? Ты даже не предупредила о приходе.

Минуту я молчу, не зная, как начать разговор.

– Адам влюбился, – шепотом признаюсь я. – По-настоящему влюбился. Встретил девушку в Италии.

Полин знает о моих чувствах к нему, она много раз говорила мне, что я должна быть более решительной и взять ситуацию в свои руки. Но мне было страшно что-либо менять. Я надеялась, что однажды он увидит во мне не только лучшую подругу и изменит все сам...

– Она хоть симпатичная? – спрашивает Полин.

– Не знаю, я не просила показать мне ее фотографию. Я даже имени ее не спросила. Единственное, он сказал, что она худенькая, миниатюрная.

– Абсолютно не в его вкусе, – нахмурившись, замечает моя подруга, – все девушки, которые ему нравились, были выше ста семидесяти сантиметров и с формами. Чего стоила та американка с фальшивыми сиськами.

– Не думаю, что у нее они были фальшивые...

– Я тебя умоляю, Эмма. Она из Лос-Анджелеса. Вот где настоящая силиконовая долина! У нее были сделаны губы и грудь – у меня нет в этом никаких сомнений. Кажется, там на совершеннолетие дарят сертификат на пластическую операцию!

– Да какая к черту разница!.. Не в его вкусе, да. Он сам мне так сказал, но, Полин, ты бы видела его взгляд и улыбку, когда он говорил о ней. Клянусь, у него на лице все было написано.

– Ты сама виновата, этот день бы точно настал! Но ты упорно не хотела в это верить и все тянула резину. Ты должна была соблазнить его еще год назад.

Я закрываю глаза и чувствую, как по щекам медленно текут слезы.

– Эй, Эмма! Не плачь, в любом случае я не верю в отношения на расстоянии. Они провели вместе каникулы, и, конечно, это было круто. Но сейчас наступят будни, ежедневные проблемы, каждый из них погрузится в свою жизнь, и постепенно они начнут отдаляться друг от друга. И это не я придумала! Так и заканчиваются девяносто девять процентов отношений на расстоянии.

– Полин, она в Италии, а не на Северном полюсе. Самолеты летают, поезда ходят. Ничего не мешает им проводить вместе выходные. Он уже едет туда в эту пятницу!

Полин садится на кровати и берет меня за руку – И что?

У тебя все равно есть все шансы. Пять дней из семи он будет проводить с тобой. Ты просто должна соблазнить его! Флиртуй с ним, Эмма. Ради всего святого, ты вечно ему жалуешься, ноешь и ведешь себя, как его младшая сестра! Он тебя успокаивает, покупает тебе сладости и общается с тобой, как с ребенком! Покажи ему, что ты женщина, Эмма.

Ты можешь быть страстной, притягательной, загадочной.

– Но это будет выглядеть нелепо, – не соглашаюсь я. – Он подумает, что я сошла с ума и что у меня раздвоение личности.

Полин швыряет в меня подушку, и от неожиданности я даже не знаю, как реагировать.

– Тогда реви, плачь и думай о том, какая ты бедная, жалкая и никчемная. А твой Адам тем временем будет развлекаться с какой-то миниатюрной итальянкой, которая, поверь мне на слово, не стесняется своей сексуальности и притягательности!

– Я не знаю, что мне делать, Полин... – искренне говорю я. – Не думаю, что получится его соблазнить.

– Думать не надо. Надо действовать.

– И с чего начнем?

– С эпиляции! – уверенно заявляет моя подруга. – Да-да! Кустики в штанах не помогут тебе почувствовать себя великой соблазнительницей. Еще одна мудрость от моей мамы!

– Твоя мама явно не знакома с понятием боди-позитива.

– Я тебя умоляю, моя мама была замужем четыре раза, уж

поверь, она знает толк в том, как охмурить мужчину.

– Я думала, она сделала партию в молодости и была счастлива.

– О да, она сделала. Потом развелась с ним, оставив себе половину его состояния, отправила моего папу, своего сына, в закрытую школу и начала наслаждаться жизнью свободной женщины.

– Наверняка жизнь свободной женщины ей не особо пришлась по вкусу, если после развода она вышла замуж еще трижды.

Полин усмехается:

– Да нет, она просто любила организовывать свадьбы со всем размахом. К тому же ей нравилось злить завистников и сплетников. И все ее мужья были младше... Знаешь ли, горячий секс украшает жизнь.

Я тяжело вздыхаю и со всей серьезностью спрашиваю:

– Любовь ведь не только секс?

И Полин пожимает плечами:

– Никто не знает, что такое любовь. Но вот секс более понятен, и зачем он нужен – тоже понятно. Любовь... Это как мечта или фантазия. А секс – занятие вполне конкретное, настоящее, понимаешь? Я больше чем уверена, что крутой секс – это то, на чем держатся отношения в большинстве пар.

– Грустно, если это так. Полин кривит губы.

– Ничего не грустно! Жизнь есть жизнь! Все начинается с секса, а потом у людей появляются общие цели и желания

достигнуть чего-то в жизни. Уверена, у моих родителей было все именно так. И посмотри на мою маму! Ей сорок семь лет, она сексуальна, соблазнительна и горяча. Все потому, что она уверена в своей привлекательности. Тебе необходимо поверить в себя, Эмма!

– Все-таки я думаю, любовь – это нечто большее. То, что я чувствую к Адаму, – больше чем физическое влечение.

– С Адамом у тебя все сложно, потому что ты себя не любишь. Он оказывает бесконечную поддержку и постоянно успокаивает тебя. Ты даже порой не интересуешься, как у него дела, выливаешь сразу на него все свои эмоции, пользуясь его добротой... И не спорь, это именно так! Я всегда честна с тобой. Ты эгоистка, Эмма. Но поверь мне, не только ты. Все люди всегда думают только о себе. Ты переживала, почему он не звонит тебе на каникулах? А он и думать о тебе забыл. Развлекался с новой девушкой.

– Я не думаю, что это эгоизм. Может, она настолько сильно его зацепила, что он просто-напросто потерял голову? Скорее всего, у меня ничего не получится, Полин.

Она щурит глаза и произносит:

– Хватит быть наивной дурочкой! Плевать, кто и как его зацепил. Тебе он нужен? Да. Тогда борись за него. А чтобы бороться за девятнадцатилетнего парня, надо привлекать его как девушка, а не как вечный нытик, сечешь?

– Секу...

– Вот поэтому мы и пойдем на эпиляцию! А потом заско-

чим в магазин и накупим нижнего белья! Поверь на слово, Эмма, такого рода терапия нужна каждой женщине! Кстати, мне тоже надо купить белье. Я уже себя перефоткала во всем, что есть.

Последняя ее фраза настолько комична и нелепа, что я начинаю истерически смеяться. Хотя кого я обманываю, не только последняя фраза. Весь наш разговор до того абсурдный и глупый, что хочется хохотать. По правде сказать, планов на день у меня нет, поэтому я соглашаюсь на эпиляцию и покупку белья.

* * *

Эпиляция прошла болезненно. Я предпочитаю специальные кремы для удаления нежелательных волос. Более того, волосы на теле у меня такие светлые, что иногда я и вовсе их не убираю. Я впервые полностью удалила волосы в зоне бикини... И не скажу, что после процедуры чувствую себя «сексуальной», «горячей» и далее по списку. Мне было больно и крайне неловко. Мечтаю дойти до дома, пожить чем-нибудь вкусненьким и включить Netflix. Как только я выхожу из метро, замечаю Адама. Он сидит под фонарем на зеленой лавочке и смотрит прямо на меня. Желтые листья кружатся в танце над его головой. Я замираю и не знаю, что мне делать. Он встает и широким шагом направляется в мою сторону.

– Я очень много раз звонил тебе, – сердито начинает он. – Не знаю, какая муха тебя укусила и почему ты убежала. Но ты напугала меня. Я жду тебя здесь последние два часа и дал себе слово позвонить твоему отцу, если через полчаса ты не дашь о себе знать. – Вид у него злой и уставший, он трет виски и тихо спрашивает: – Что произошло, Эмма?

На секунду я теряюсь, мне хочется сказать ему правду. Признаться в своих чувствах и объяснить, почему именно я убежала. Но тут я вспоминаю слова Полин о том, что я вечно ною: «вечный нытик Эмма».

– Я правда была с Полин. Хочешь посмотреть на наши сегодняшние общие селфи? Мы договорились пойти на эпиляцию, а я совсем забыла про это! Надо было бежать, чтобы успеть вовремя на сеанс. – Хочешь соврать – скажи правду. Эту мудрость я тоже почерпнула у своей подруги.

Адам бросает на меня недоверчивый взгляд.

– С каких пор ты ходишь на эпиляцию? – насмешливо спрашивает он, меня задевает его реакция.

– А почему я не могу пойти на эпиляцию? – возмущенно интересуюсь я.

Адам как ни в чем не бывало пожимает плечами и заявляет:

– Разве девочки не делают что-то такое, когда начинают встречаться с парнями и их отношения переходят на другой уровень?

– А кто сказал тебе, что я ни с кем не встречаюсь? – злобно

выплываю я, и Адам выглядит сбитым с толку.

– Ты кого-то встретила на каникулах?

Не выдержав, я взрываюсь – неужели ему так сложно представить, что я с кем-то встречаюсь!

– Быть может, если бы мой лучший друг не игнорировал меня в течение двух недель, он знал бы об этом, – выпаливаю я и добавляю: – Но он был слишком занят, чтобы поинтересоваться!

– Эмс, ты поэтому злишься на меня, да? Я почувствовал, что что-то не так, когда мы сидели в кафе. Но я не мог понять, чем именно обидел тебя... – Он виновато улыбается и, поймав меня за руку, тянет на себя, я утыкаюсь носом в его шею и вдыхаю запах. Аромат сигарет и его парфюма.

– Прости, Эмс. Но я всегда отвечал на твои звонки, мне казалось, мы часто говорили по телефону. Я не знал, что ты нуждаешься во мне.

«Я всегда нуждаюсь в тебе!» – хочется крикнуть мне. Сказать ему, что мы лишь трижды говорили по телефону за две недели! Трижды! Сейчас я отчетливо понимаю, он не думал обо мне во время каникул, и это делает мне больно.

– Мы говорили всего три раза за две недели, Адам, – не выдержав, озвучиваю я. – Мне сейчас очень обидно, что ты так легко отодвинул меня на второй план. Ты и я, мы же M&M's.

Чувствую себя глупой девочкой, которая капризничает и требует внимания.

– Прости, Эмс, – искренне отвечает Адам, – я не прав... Но, поверь, я не забывал о тебе, просто в Италии все произошло так быстро. Слишком много всего...

Я выбираюсь из его объятий, мне становится не по себе. Вновь он говорит об Италии и о том, что случилось. Не хочу слышать об этом.

– Так что это за парень, с кем ты познакомилась? – Адам пытается сменить тему.

– Нет никакого парня, – устало признаюсь я.

– Тогда зачем эпиляция? – с улыбкой спрашивает он, и я готова расплакаться. Эпиляция для тебя, Адам. А еще для того, чтобы я почувствовала себя взрослой и возбуждающей. Как же глупо... Господи, до какой степени глупо.

– Ни для чего, – бормочу я себе под нос. – Прости, если напугала тебя, и прости за то, что ждал меня... Но тебе лучше пойти домой, у меня все болит, и я мечтаю, чтобы этот день поскорее закончился.

Адам неожиданно обнимает меня и целует в макушку:

– Не злись на меня, Эмма. Ты есть и всегда будешь самым близким человеком в моей жизни.

Мне хочется, так хочется в это верить. А еще я хочу, чтобы он остался. Настоял на том, чтобы провести вечер вместе... Но он просто прощается:

– До завтра! – и уходит.

Я поднимаюсь домой. Квартира абсолютно пуста. Папы, как всегда, нет. Холодильник забит едой из нашего рестора-

на, но я практически никогда к ней не притрагиваюсь, с тех пор как родители развелись. Детское воспоминание всплывает в голове. Папа приносит с работы гору еды и десерты, я кручусь вокруг него в ожидании вкусняшек. А рядом мама, которая, не выдержав, начинает громко кричать:

– Зачем ты ее откармливаешь? Ты не видишь, как сильно она поправилась?

Папа устало закрывает глаза и тяжело вздыхает. Я не знаю, что он ответил, так как быстро скрылась в своей комнате. Но ссора была сильной. Мама кричала, голос отца едва был слышен. Он всегда был мягче, она была строже. В тот день она впервые ушла из дома. Помню, папа постучался ко мне и позвал ужинать. Я смотрела на еду на столе, на мамин пустой стул и на расстроенное лицо отца. В тот вечер я поела лишь затем, чтобы не расстраивать его сильнее. Но с тех пор я не могу спокойно смотреть на контейнеры из нашего ресторана. Мама вернулась на следующий день, но ненадолго. Очень скоро они развелись. И я знаю, что во многом камнем преткновения стала я.

С громким стуком захлопываю холодильник и, схватив наполовину съеденную банку «Нутеллы», иду к себе в комнату. Завтра я точно сяду на диету. А сегодня привет, Netflix, привет, моя любимая ложка! У самой в глазах слезы. Адам влюбился. И не в меня, конечно, не в меня...

Глава 4

Эмма

СЛЕДУЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ Адам сам не свой. Его итальянская подружка не отвечает на звонки и сообщения.

– Она вообще не читает сообщения? – спрашиваю я.

Он качает головой:

– Нет.

Я молчу. Очень сложно скрыть радость и надежду.

– Может, для нее это было лишь развлечение на каникулы? – тихо говорю я.

Адам резко поднимает голову и, глядя мне в глаза, уверенно заявляет:

– Нет, Эмма. Не может быть... Ты просто не понимаешь, насколько мы... я... она... – Он замолкает, явно не зная, как именно продолжить. Меня так злит его уверенность в своих чувствах к ней.

– Адам, люди разные. Что для тебя было важным и значимым, для нее могло быть очередным приключением!

Он не отвечает, молча достает сигарету и закуривает. Мы стоим перед школой в ожидании звонка, и я действительно хочу поддержать его. Но у меня плохо выходит, ведь Адам хочет услышать, что его итальянка даст о себе знать. Обяза-

тельно ответит на звонок и объяснит свое отсутствие. Я же не могу и не хочу говорить ему неправду. Считаю, если девочка пропала, то она явно его не заслуживает. Очень хорошо, что она так скоро убралась из его жизни. Конечно, меня радует ее неожиданное исчезновение, однако грустный и злой вид Адама лишь подтверждает, что она сильно запала ему в душу. Это бесит и вызывает ревность. Он места себе не находит, уверен, что с ней что-то случилось, отчаянно пытается найти оправдание ее поступку.

– Адам, давай честно? В двадцать первом веке бесследно люди пропадают лишь в том случае, если хотят пропасть. Даже если с человеком что-то случилось, он все равно найдет способ об этом сообщить. В конце концов, даже если она умерла! Кто-то из родственников может ответить на звонок и сообщить об этом... Так что хватит себя накручивать. Похоже, когда закончились каникулы, закончились и ее чувства к тебе!

Адам со злостью отшвыривает окурок:

– Прекрати, Эмма. Хватит быть стервой. Да, я не звонил и не писал тебе, но она ни при чем! Я сам не звонил и не писал. И я извинился. Миллион раз! Прошу тебя, хватит меня воспитывать и попробуй понять. Я, черт возьми, вовсе не идеальный.

И тоже совершаю ошибки. И хватит рассказывать мне о нюансах курортных романов! Я сказал, что она так просто бы не пропала. Значит, ты должна мне поверить.

Первый раз в жизни Адам говорит со мной в таком тоне, первый раз в жизни отчитывает и смотрит на меня с раздражением. Я жду, когда он извинится, но вместо этого он поправляет лямку рюкзака и направляется к зданию школы. А я смотрю, как он исчезает в толпе, и не знаю, что мне делать.

– Подруга, ты перегнула палку, – рядом появляется Полин, которая еле стоит на высоченных шпильках. – Я знаю, ты ненавидишь эту итальяночку и готова сжечь ее на костре как самую главную ведьму. Но не забывай, что для Адама она ангел, спустившийся с небес. И он не готов слушать о ней гадости.

Я делаю протяжный вздох и взрываюсь.

– Так она сама пропала! Будто я заставила ее провалиться сквозь землю, – восклицаю я. – Пропала, не пишет, не звонит. А он ищет ей оправдания... Ей нет оправданий! Мы живем в век соцсетей. Люди не исчезают бесследно!

Полин кладет руки мне на плечи и успокаивающе произносит:

– Вдох-выдох, Эмма. То ты как амеба бесчувственная, то взрываешься на пустом месте. Мне плевать на эту девочку, я не защищаю ее. Адам тоже в итоге поймет, что она повела себя как сука. Но он должен понять это сам. Ты не видишь, что все твои слова имеют обратный эффект? Он защищает ее и придумывает новые оправдания. Ты должна говорить ему все с точностью наоборот. Чтобы он сам разозлился и подумал: какого черта происходит?

Я стараюсь взять себя в руки, но выходит плохо.

– Я больше ему слова не скажу! – решаю я. – Особенно после того, как он наорал на меня!

– Но ты правда ведешь себя как обиженный ребенок. «Ты мне не звонил две недели, а-а-а-а, дайте поплакать!»

– Прекрати, Полин! – говорю я с раздражением, и она, выпятив подбородок, заявляет:

– Это ты прекрати! Хватит ныть, Эмма. Хватит быть в его распоряжении двадцать четыре часа, семь дней в неделю. Дай ему отдохнуть и соскучиться по тебе! Прекращай требовать его внимания.

Я оставляю подругу на тротуаре перед школой и, не пронося больше ни слова, захожу в широкие ворота. Я знаю, что Полин права. Но я сейчас слишком злюсь на себя и на Адама, чтобы выслушивать ее нравоучения. Позже я перед ней обязательно извинюсь...

* * *

Я избегаю Адама уже три дня. Все свободное время провожу с Полин и Полем. Он сейчас ведет себя нормально, не издевается, не вставляет свои глупые шуточки. Так что Поль мне абсолютно не мешает. В обеденный перерыв мы решаем зайти в Le Bon Marché¹ и поесть в кафе La table, которое на-

---

¹ Le Bon Marché («Ле Бон Марше») – первый в мире универмаг, в прошлом носивший название Au Bon Marché (что означало «по хорошей цене»), был от-

ходится в La Grande Épicerie на первом этаже магазина. Мне нравится это место, тут стеклянный потолок, благодаря которому зал утопает в свете, к тому же вокруг так много зелени: растения в горшках на каждом шагу и даже огромные деревья, растущие прямо из пола.

– Я буду пасту с соусом песто и салат цезарь, – говорю я.

Полин хмурится:

– А как же твоя диета?

– К черту! Я голодная, сегодня проспала и даже не успела позавтракать.

– Как хочешь, только потом не ной, что у тебя лишние килограммы.

– Полин, что я могу поделать, если еда зовет меня, как океан Моану? – решаю я отшутиться, и Поль усмехается.

– Как по мне, ты в отличной форме и диета вовсе не нужна, – вставляет он.

– Давай, Поль! Продолжай, больше комплиментов, я жду! – с иронией в голосе говорю я, и он, хитро сверкнув глазами, наклоняет ко мне голову и заявляет томным голосом:

– Думаю, после тебя завод по производству самых пре-

крыт в 1838 году. Он состоит из двух отдельных зданий, расположенных через дорогу. В одном – отделы гастрономии, товары для дома (La Grande Épicerie de Paris), в другом – бутики (Le Bon Marché Rive Gauche). В романе «Дамское счастье» Эмиль Золя описывает торговый центр, прототипом которого был Le Bon Marché. Стеклянную крышу здания проектировал Густав Эйфель. (*Здесь и далее примечания автора.*)

красных девушек закрыли.

Я начинаю смеяться:

– Какой обольститель!

– Это у меня еще мало времени было на подготовку!

– Боюсь представить, что бывает с девушками, когда у тебя есть время.

Он откидывается на спинку стула и, одарив меня своей лучшей улыбкой, беззастенчиво произносит:

– Поверь, они бывают более чем счастливы.

– Так, хватит выпендриваться, Джо Триббиани², – стукнув его по плечу, говорит Полин. – Лучше скажи мне, если я закажу пиццу, ты pomoжешь мне съесть ее?

– Половина на мне! – подмигнув, соглашается он.

– Тогда отлично, я буду пиццу.

Поль заказывает стейк и картошку. Официант забирает бокалы для вина, приносит нож для мяса, а также корзинку с хлебом. Мы сидим в ожидании своих заказов, я вместе с Полем уничтожаю запасы свежего багета, Полин, как всегда, воздерживается.

– Как там Адам? Еще не извинился? – спрашивает она, набирая что-то в телефоне.

Поль при упоминании Адама хмурится. Они недолюбливают друг друга с тех самых пор, как три года назад двойняшки перешли в нашу школу. Причина мне неизвестна, я

---

² Джозеф Фрэнсис «Джо» Триббиани-младший – вымышленный персонаж американских телевизионных сериалов «Друзья» и «Джоуи».

пару раз поинтересовалась у Адама, но он начинал злиться и толком не отвечал.

– Ради всего святого, Полин. Не порти мне аппетит, – бурчит Поль.

– Он и не извинится, считает, что в данной ситуации не права я, – отвечаю, пропуская колкость Поля мимо ушей. Мы иногда спорим с ним именно на тему Адама. Поль часто не выбирает выражений, когда дело касается моего лучшего друга, чем очень злит меня. Но сегодня я не в настроении ругаться.

Поль внимательно разглядывает меня:

– Он тебя обидел?

– Нет, он просто дурак, – отвечаю я и нервно тереблю салфетку, – давайте не говорить об этом. Не хочу даже думать о нем.

Это правда лишь отчасти, на самом деле я бы с радостью в миллионный раз обсудила его поведение с Полин. Но рядом с Полем мне крайне неловко говорить об Адаме. Не хочу сплетничать о нем с парнем, который его терпеть не может. В то же время мне становится искренне интересно, почему же они ненавидят друг друга.

– Кстати, – начинаю я и не могу себя заставить посмотреть Полю в глаза, – я задавала этот вопрос несколько раз Адаму, но так и не получила внятного ответа. Что такого произошло между вами, почему вы друг друга на дух не переносите?

Полин поднимает глаза от телефона и слегка качает голо-

вой.

– О, Эмма, лучше тебе не затрагивать эту тему. Он еле держит себя в руках даже при упоминании имени Адама. А ты решила докопаться до причины их взаимной нелюбви.

Поль закатывает глаза и, небрежно махнув рукой, отвечает:

– Я хотел позвать тебя на свидание. А Адам вдруг решил мне запретить. Вот мы и подрались. Та самая драка во дворе школы три года назад, из-за которой наших родителей вызвали.

Поль произносит это все равнодушно, будто сказанное им не имеет абсолютно никакого значения теперь. Он смотрит куда-то в сторону, я пытаюсь поймать его взгляд, но он упорно не поворачивает голову.

– Ты же прикалываешься? – недоумевая, спрашиваю я.

– Увы, нет, – вставляет Полин.

– Почему Адам мне ничего не рассказал?

– Может, потому, что испугался, решил, что ты в итоге захочешь пойти со мной на свидание? – самодовольно улыбаясь, отвечает Поль.

– Хватит надо мной издеваться, – слишком резко отвечаю я. – Адам не мог тебе запретить, и вы не могли подраться из-за меня.

– Адам решил, что у Поля неблагородные намерения, – с ехидством объясняет мне Полин, – и, будучи твоим лучшим другом, он решил защитить твою честь!

– Заткнись, Полин, – закатив глаза, произносит Поль.

У меня в голове столько вопросов... Я так ошарашена этой новостью, что не знаю, с чего начать.

– Подождите, это правда?

– Ну да, – пожимая плечами, говорит Полин и наливает себе стакан воды.

– А почему ты мне ничего не рассказала?

– Во-первых, мы тогда только начали общаться. Во-вторых, о причине драки знали только эти двое. В-третьих, это был не мой секрет, и, даже если ты моя лучшая подруга, рассказывать тебе казалось неправильным. Поль попросил молчать, с чего он вдруг решил сейчас признаться, не имею ни малейшего понятия.

Она вновь погружается в переписку на телефоне и, ухмыляясь, начинает строчить сообщение. Поль хмурит брови:

– Не то чтобы я скрывал что-то, а сейчас прямо-таки признался. История старая, уже не имеет значения, что было три года назад. Ты спросила, а я ответил.

Между нами возникает неловкая пауза, слышны лишь тихие, едва уловимые смешки Полин и звуки входящих сообщений.

– Ты можешь отключить звук? – возмущается Поль. – Это очень раздражает!

Она молча отключает звук и продолжает переписываться.

– А почему ты в итоге не позвал меня на свидание? – Вопрос слетает с губ, прежде чем я могу заставить себя передум-

мать его задавать. Ведь мне правда интересно, почему Поль все-таки пошел на поводу у Адама. Он все всегда делает наперекор ему.

Полин резко перестает печатать и поднимает на меня глаза. Поль рядом с ней слегка напрягается.

– Может, потому что там, во дворе школы, ты набросилась на меня с ругательствами и обвинениями, защищая своего прекрасного Адама?

– Он не мой прекрасный Адам, – ошетинившись, выплевываю я.

Поль заглядывает мне в глаза и без всякого сожаления произносит:

– Напоминай себе об этом почаще, Эмма.

Я понимаю его намек, отчего начинаю злиться сильнее. Однако я не знаю, что ответить ему. Ситуацию спасает официант. Он приносит наши заказы, и Полин как ни в чем не бывало начинает разрезать свою пиццу и раздает нам кусочки:

– Так, ребята, спасайте меня. Если я съем больше четырех кусочков, я начну себя ненавидеть очень-очень сильно.

Поль закатывает глаза и забирает у нее три куса «Маргариты».

– У вас, женщин, абсолютно нездоровое отношение к еде.

Полин в своей привычной манере равнодушно пожимает плечами и, указав подбородком на пиццу, коротко говорит:

– Ешь, Поль.

Я тоже беру кусочек пиццы, тягучая расплавленная моцарелла обжигает язык. Чувствую, как жирные следы остаются на моем подбородке, и вытираю его салфеткой. Слова Поля все еще звучат у меня в голове, однако теперь я не думаю, как оправдаться. Скорее понимаю, что он прав. Мне надо чаще напоминать себе о том, что Адам не мой. Грусть заполняет мое сердце. Однако я заставляю себя улыбнуться и ворую еще один кусок с тарелки Полин.

– Так, я просила помочь мне, а не съесть за меня всю пиццу! – возмущается подруга, и Поль, посмеиваясь, украдкой вытягивает прямо у нее из-под носа очередной кусочек. Полин пытается стукнуть его по руке и предотвратить кражу, и пока она отвлекается на Поля, я забираю еще один кусок.

– Ах вы негодяи! – кричит она, и мы с Полем начинаем громко смеяться.

– Похоже, нам надо заказать еще одну пиццу, – говорит он.

– Не надо! – возражает Полин. – Эмма поделится со мной салатом!

– Поделюсь, поделюсь, – соглашаюсь я и передаю подруге салат.

Она хмуро забирает его у меня и с недовольством начинает копать в тарелке.

– Напомните мне никогда на вас не рассчитывать и не просить вашей помощи! – продолжает наигранно бурчать Полин.

Смешок слетает с моих губ, и ее брат мне подмигивает. Иногда так приятно бывает подурачиться. В зеленых глазах Поля столько веселья. На мгновение его взгляд становится серьезным. И у меня в голове вертится один вопрос, озвучить который я никогда не наберусь смелости: «Ты больше не хочешь позвать меня на свидание?» Поль продолжает смотреть мне в глаза, и мое сердце пропускает удар.

– Устроим Friday night fever?³ – подает голос Полин, отвлекая меня от мыслей о Поле.

Ее слова сбавляют отрезвляюще. Пятница. Сегодня пятница. А это значит, что Адам поедет в Италию. Я даже не знаю, ответила ли ему его миниатюрная красотка. Решаю проверить телефон на наличие новых сообщений. Листаю многочисленные комментарии под моим новым видео. Кроме них, ничего нет. Ни сообщений, ни звонков – ничего от Адама.

– Сегодня я пас, – тихо говорю я, – нет настроения.

Полин прикусывает губу и кивает.

– Если передумаешь, напиши мне, – говорит она, и мы обе знаем, что я не передумаю.

---

³ Полин перефразировала название танцевального фильма эпохи диско Saturday night fever («Лихорадка субботнего вечера», 1977) с Джоном Траволтой в главной роли. Его персонаж, Тони Манеро, – днем работник маленького магазинчика, а по вечерам – звезда танцпола, завсегдатай клуба. Фильм имел огромный успех и сыграл важную роль в популяризации музыки и танцев в стиле диско.

Мне хочется спрятаться. Исчезнуть. Потерять память и стать абсолютно другим человеком. Лучше и сильнее. Я хочу иметь каменное сердце. Глыбу льда в груди. Чтобы никто и ничто никогда больше не сделали мне больно. Я хочу перестать чувствовать. Смотрю в окно и понимаю, что где-то там, в Италии, его руки обнимают другую, его губы целуют другую, его глаза смотрят на другую. Смотрят тем самым взглядом, о котором я мечтаю. Слезы медленно катятся по щекам, чувствую соленый привкус на губах. Я правда хочу быть сильнее. Но, сидя на полу у открытого окна, я отдаюсь воле эмоций. На часах два ночи. С улицы доносятся голоса. Пятница. Сегодня многие гуляют, в городе праздник. Сразу на ум приходит цитата: «Ajoutez deux lettres à Paris: c'est le paradis». Но я не чувствую себя в раю. Скорее напротив, я хочу быть как можно дальше отсюда.

Я вдыхаю ночной прохладный воздух. Люблю осень за запах дождя и мокрого асфальта. Папы, как всегда, нет дома. И мне вдруг так отчаянно хочется, чтобы он был здесь. Чтобы я вновь была ребенком и могла забраться к нему в постель, сославшись на ночные кошмары. Он бы обнял меня и сказал, что сам съест любое чудовище, которое посмеет напасть на меня. А я бы быстро уснула, чувствуя, как он легонько гладит меня по голове и целует в лоб. Но его нет, наша огромная

квартира совершенно пуста. С мамой я не говорила после ее замечаний о моем последнем видео. Раньше мне казалось, что она изменится и примет меня такой, какая я есть. Потом я поняла, что чуда не произойдет. Но это стало не так важно. Ведь у меня был Адам. Он принял меня, а со всеми моими тараканами здоровался за руку и говорил: «Приятно познакомиться». Тараканы впали в дичайший восторг и влюбились в него по самые уши. Жаль, что подобная любовь не всегда бывает взаимной.

Телефон на столе вибрирует, прерывая поток моих мыслей. Я не хочу вставать, но вибрация не прекращается, а это означает, что мне кто-то звонит. В такой поздний час это может быть только что-то очень важное. Я нехотя поднимаюсь, беру телефон и замираю. Адам. Его имя высвечивается на экране, а вместе с ним наше общее селфи, которое мы сделали в Люксембургском саду. Я принимаю вызов, и в ночной тишине его голос звучит особенно резко:

– Эмс, не спишь? Впустишь меня? Стою под дверью.

Я мгновенно бегу в коридор, не зная, о чем думать.

– Конечно, звони в домофон... – непослушным голосом говорю я.

У меня трясутся руки, когда я нажимаю на ключик и вижу, как он заходит в подъезд. Я не жду, пока он постучит, и распахиваю дверь. Он не вызвал лифт, медленно поднимается по лестнице. Ковер на ступеньках смягчает звук его шагов. Спустя несколько долгих секунд Адам стоит прямо передо

мной. С рюкзаком в руках и новой папкой под мышкой. Вид у него удрученный, и я сглатываю ком в горле.

– С тобой все в порядке?

Он кивает и проходит в квартиру. Снимает обувь, бросает рюкзак и папку, направляется в маленькую ванную в коридоре, моет руки, а затем проходит в мою комнату. Все это он делает молча. Не сосчитать, сколько раз он оставался у меня на ночь за последние два года. Особенно в те дни, когда папы не было дома. Обычно мы смотрели сериалы, делали домашку, заказывали еду, а потом спали в моей кровати. Он на одной стороне, я на другой. Пару раз я наблюдала за тем, как он спит. Полин поэтому так настаивала, чтобы я соблазнила его. Она считает, что это сделать проще простого. Но подруга не понимает нашу с Адамом дружбу. Она не знает, как мне сложно стать девушкой в его глазах.

Я следую за ним, он уже лежит на одеяле и смотрит в потолок. Я без слов ложусь рядом. Окно открыто, и осенний ветер играет с занавесками и нашими волосами. Я чувствую, как кончики пальцев замерзают, но не шевелюсь.

– Что случилось, Адам? – очень тихо спрашиваю я, и он эхом мне отвечает:

– Я пропустил поезд. Не поехал.

Услышав это, я испытываю облегчение. Но затем недоумение:

– Она тебе так и не ответила?

– Нет.

– И ты все равно хотел поехать?

– Я... Мы договорились о встрече еще в Италии. Сейчас я понимаю, что все это не имеет смысла, – тихое признание.

– Почему ты такой грустный? – спрашиваю я, не в силах скрыть в собственном голосе разочарование. – Что в ней такого Адам, почему ты до сих пор думаешь о девушке, которая игнорировала тебя всю неделю?

– Ты не понимаешь.

– Так объясни мне.

– Она была такая... – начинает он и замолкает.

– Какая такая? – не выдержав, задаю я вопрос.

– Красивая. Не красотка, а именно красивая, понимаешь? Я закатываю глаза.

– По-моему, ты загоняешься. Для нее это был курортный роман, а ты принял близко к сердцу.

Минуту он молчит, а затем подает голос:

– Может, ты и права. Скорее всего, ты права. Но мне было так хорошо.

– Когда тебе девятнадцать, в руке бокал вина и ты в Италии, еще бы тебе было плохо!

Он улыбается впервые за вечер.

– Знаешь, та студия в Риме стала мне домом благодаря ей. В ней было что-то... необъяснимое, Эмма. Будто я нашел часть себя.

– Ты же не верил в половинки.

– Я и сейчас не верю. Просто... она всегда знала, когда

нужно что-то сказать, когда нужно быть нежной, а когда нужно просто не трогать меня.

– Может, потому, что знала, что вы вместе ненадолго?

– Мне не казалось это игрой. Напротив, она была такая настоящая. Такая искренняя.

– Ну да. А потом она не отвечала на сообщения и звонки. Она просто исчезла!

– Да. Правда, в которую я не хотел верить, обрушилась на меня в одно мгновение, Эмма. Но я до сих пор не могу понять... Почему она так поступила со мной?

Я заглядываю ему в глаза. Мне хочется пожалеть его и встряхнуть одновременно.

– Прекрати. Все будет хорошо, слышишь? В твоей жизни будет еще полно встреч. Уверена, будут гораздо лучше нее!

«И, в конце концов, у тебя есть я!» Последнюю мысль я не произношу вслух, вовремя прикусываю язык.

– Лучше – возможно. Но такой, как она, точно не будет.

– Ты дурак.

– Да знаю, что дурак. Просто... – Адам тяжело вздыхает.

– Ну что, что просто?! – теряя терпение, спрашиваю я.

– Просто первый раз в жизни мне было не все равно.

Я теряюсь, слов больше нет. Я не знаю ни что сказать, ни что делать. Адам садится на постель и тянет за шиворот майку, а после снимает носки.

– Давай спать, Эмс, – говорит он и забирается под мое одеяло.

– Завтра будет лучше, – шепотом говорю я и ложусь рядом.

Он закрывает глаза и почти беззвучно произносит:

– Знаю...

Спустя десять минут он засыпает. Я слышу его размеренное дыхание, разглядываю лицо и не могу заснуть. В голове до самого утра эхом звучат слова: «Первый раз в жизни мне было не все равно...»

Глава 5

Эмма

ПРОШЛО ДВЕ НЕДЕЛИ с неудачной поездки Адама в Италию. Он будто специально не говорит ни о каникулах, ни о той девушке. Честно говоря, я очень рада этому, не знаю, как бы реагировала на разговоры о ней. Но я чувствую, как он замыкается в себе и вокруг него вырастает стена. Он много рисует, непонятные наброски, части тела, но не лицо... Каждый раз он грубо сминает листы бумаги и выбрасывает. Ему не нравится результат. Когда дело доходит до творчества, Адам – перфекционист. По нему видно, что он подавлен, потому что у него не получается изобразить то, что он хочет. Он не говорит со мной об этом, не хочет довериться мне то, что произошло в Италии. Я чувствую себя так, будто меня оставили за бортом, но не лезу к нему. И даже сейчас он молча садится прямо на пол в школьном коридоре, вертит в руках карандаш, но ничего не рисует. Учительница английского, мадам Феррар, опаздывает на урок, и наш класс толпится в узком пространстве.

– Мадам Выдра никогда не опаздывает, не иначе как случилось что-то, – чавкая жвачкой и выдувая огромный пузырь, говорит Полин.

– Надо сообщить Амару, пусть хоть класс откроет, – пред-

лагает Поль.

– Не, вдруг нам, как в прошлый раз, дадут письменную работу? Уж лучше потеснимся в коридоре, – отзывается Полин как раз в тот момент, когда кто-то из наших одноклассников начинает громко ржать.

– Да Амар сейчас сам нас услышит, – подаю я голос, втайне надеясь, что так и будет. Амар следит за этажами, опоздавшими и отсутствующими. Он открывает ворота школы утром и в обед, а все остальное время сидит на ресепшене в ожидании всяких проблем от учеников. Он же отправляет родителям эсэмэску, если ученики не пришли в школу или опоздали. Хранитель всех ключей и владыка всего бардака, что творится в учебном заведении. Порой мне бывает его искренне жаль, но он очень оптимистично настроенный мужчина. Всегда с улыбкой встречает нас, раздолбаев.

– Тише, придурки! – недовольно шикает подруга, когда парни начинают совсем сходить с ума. – Что вы, как малолетки, орете на всю школу?

Я же смотрю на Адама и не знаю, что мне делать. Сквозь стену отчуждения я точно не пробьюсь. Он не пускает.

– Парни менее эмоциональные, – шепчет Полин, будто читает мои мысли. – Если ты ждешь от него слез и истерики, не дождешься. Он все переживет молча.

– Откуда ты знаешь?

– У меня родной брат. Ходячий учебник по мужской психологии. Они переживают молча и гораздо легче отпускают.

Но это не значит, что ты должна оставаться в сторонке. Сядь с ним, пусть знает, что ты рядом.

Я с благодарностью смотрю на подругу:

– Спасибо.

Я следую ее совету и сажусь в самом конце коридора рядом с Адамом, вытягиваю ноги. Его ноги согнуты в коленях, мои же упираются в ярко-желтую стенку напротив.

– Я просто хочу сказать тебе, что я рядом, Адам. Ты можешь не рассказывать мне ничего, но знай – я здесь.

Я опускаю голову ему на плечо.

– Спасибо, Эмс, – тихо благодарит меня мой лучший друг и обнимает за плечи, притягивая ближе.

Мне так уютно в кольцо его рук. Запах Адама окутывает меня, я чувствую себя в правильном месте, только он вызывает во мне такие ощущения. Рядом с ним весь остальной мир перестает существовать, и я чувствую свободу и принятие.

– Все будет хорошо, Эмс, – шепчет на ухо бархатный голос, и я киваю, уткнувшись ему в шею. Чувствую щекой его горячую кожу.

– Все будет лучше, чем просто хорошо, Адам, – говорю я, и он поглаживает мои волосы.

* * *

Мы с Адамом возвращаемся из школы. На улице ветрено,

и деревья практически полностью голые. Мы, словно дети, наступаем на сухие листья, наслаждаясь их хрустом. Впереди на фоне серого парижского неба и низких свинцовых туч виднеется купол собора Дома инвалидов. Круглый, помпезный, красивый.

– Помнишь, в пятом классе мы были на экскурсии со школой в Доме инвалидов?

– Конечно, помню. Это же музей армии, все мальчишки были в восторге от одной мысли увидеть столько оружия.

– А я помню гробницу Наполеона. Громадный саркофаг из красного камня, названия которого уже и не скажу.

– Малиновый кварцит, его привезли из России.

– Вот у тебя память! – поражаюсь я, и Адам скромно пожимает плечами.

– Саркофаг очень массивный и впечатляющий, вот и запомнил.

– А я запомнила, что купол собора скопировали с купола Санта-Мария дель Фьоре, того собора, что во Флоренции.

Адам молча кивает, а лицо его становится задумчивым. Мне интересно, познакомился ли он с той девушкой именно во Флоренции.

– Я что-то проголодался, – наконец нарушает он тишину, явно меняя тему, – как думаешь, успеем ли дойти до «Старбакса» на рю Сан-Доменик или ливанет?

– Ливанет, – отвечаю я, – поэтому давай ускоримся. Купим что-нибудь в буланжери рядом с моим домом.

Адам улыбается мне своей лучшей улыбкой, берет меня за руку, другой он поддерживает массивную папку, чтобы та не упала. Новая папка все еще в хорошем состоянии, лакированная и красивая, но, уверена, уже через месяц будет такой же потрепанной, как и предыдущая.

Мы идем в сторону моего дома, моя рука в его руке. Такая теплая, приятная на ощупь. Полин как-то допытывалась, почему мы с ним иногда ходим, держась за руки. По ее словам, это знак того, что между нами что-то есть. Однако все проще: в четвертом классе я стала сама приходить из школы домой. Помню, как сильно волновалась в первый раз, Адам тогда сказал, что он на год старше меня и проводит меня до двери. Он взял меня за руку, перевел через дорогу и довел до нужного подъезда. На следующий день все повторилось. А затем это вошло в привычку. С тех пор мы часто держимся за руки, он частенько хватает меня за ладонь и тащит куда-нибудь. У нас нет проблем в том, чтобы касаться друг друга. Сейчас я вспоминаю нашу первую прогулку до моего дома, и на душе становится тепло. Адам всегда был рядом со мной, когда я в нем нуждалась. Он мой персональный супергерой, и плевать, что звучит это по-идиотски и очень наивно.

Ливень начинается быстрее, чем я предполагала. Слишком резко и сильно.

– Побежали, Эмма! – кричит Адам, обхватывает папку крепче, и мы мчимся со всех ног.

Конечно, у нас нет с собой зонта, я кое-как натягиваю ка-

пюшон куртки на голову. Мы влетаем в буланжери и встречаем недовольный взгляд мадам на кассе: с нас падают капли дождя.

– Добрый день! – громко здоровается Адам и улыбается своей лучшей улыбкой.

На женщину его обаяние не действует, и она угрюмо поправляет:

– Добрый вечер!

– Будьте так добры, – не сдается Адам, – один тради⁴ и четыре эклера – два шоколадных и два кофейных.

– Это все? – дежурно уточняет мадам.

Адам, растянув губы в очередной улыбке, отвечает:

– Это все.

Мадам достает коробочку для эклеров, аккуратно их складывает и перематывает золотой лентой. Достает багет и, быстро посчитав, сообщает:

– С вас четырнадцать евро и пятьдесят центов.

– Карточкой, – показывая кредитку, говорит Адам и забирает наш заказ.

Он платит, мы встаем перед дверями, и я говорю:

– На счет три?

Адам как-то странно смотрит на меня, его взгляд блуждает по моему лицу.

– Как же я ненавижу дождь, – неожиданно выругавшись, говорит он, и я удивлена его реакцией.

---

⁴ Тради – сокращенное название багета «традисьон».

– С каких это пор?

Он молча берет меня за руку и тянет к выходу.

– Давай быстрее, Эмс. – Адам старается перекричать дождь.

Мы добегает до квартиры, промокшие и продрогшие. Он снимает свою джинсовую куртку и кидает ее на батарею, промокшие кроссовки ставит под нее же, я следую его примеру.

– Поставлю чайник, – говорю я и направляюсь на кухню.

Он ставит свою папку на стол и вытирает ее кухонным полотенцем. Жест такой привычный. Я готовлю кофе, он раскладывает пирожные, негромко напевая неизвестную мне мелодию.

И в этот момент мне так хорошо рядом с ним. С его волос стекают капли, он, как обычно, убирает прядь со лба и заправляет за уши. Мы садимся за стол – я с ногами на стул, он же свои вытягивает на соседний стул. Кружка с горячим кофе греет мои руки. Я вдыхаю восхитительный кофейный запах и делаю глоток, жидкость приятно обжигает. Адам подает мне шоколадный эклер. Мы чокаемся эклерами – еще одна детская традиция – и принимаемся есть.

– Как думаешь, если питаться одними эклерами, они в какой-то момент будут вызывать рвотные рефлексy?

Адам со знанием дела качает головой:

– Эклеры никогда и ни за что не могут надоесть!

Я усмехаюсь и принимаюсь за второй.

– Видела бы меня сейчас Полин, – хмыкнув говорю я, – я

ей сегодня клялась жизнью, что сяду на диету.

Он закатывает глаза и треплет меня по щеке:

– Когда же ты наконец успокоишься и поймешь, что тебе не нужна диета?

– Еще как нужна!

– Не порти мне аппетит глупыми разговорами, дай поесть, а? – наигранно бурчит Адам, я усмехаюсь, пихаю его в бок и сама принимаюсь за пирожное.

После перекуса мы идем ко мне в комнату. Горячий кофе согрел меня, и я стягиваю свою толстовку, остаюсь в топе.

– Мне нужно доделать философию, – говорю я и разбрасываю содержимое сумки на кровати.

– Я уже сдал, нужна помощь? – спрашивает Адам.

– Нет-нет, мне самой интересно справиться.

– Как скажешь.

Я сажусь на кровать, подтягиваю к себе ноутбук и закалываю мокрые волосы карандашом на макушке. Пряди выпадают и лезут в лицо, я прячу их за уши. Я беру в руки лист, читаю написанное и задумчиво грызу ручку, решаю, что еще добавить в текст. Адам открывает окно, и в комнату вместе с ветром врывается запах дождя и шум разбивающихся об асфальт капель и рассекающих лужи машин. Я очень люблю осеннюю серость и пасмурную погоду. Дождь так подходит под мое настроение. Чувствую, как матрас прогибается под тяжестью Адама, но не реагирую на него, погружившись в собственные мысли. «У человека в душе дыра

размером с Бога, и каждый заполняет ее, как может». Преподаватель философии попросил нас написать, как именно мы понимаем это высказывание Сартра. Сложное задание. Ведь у каждого своя страсть, свои грехи, тайные желания... Все самое сокровенное мы прячем в душу и заполняем этим самым пустоту. Я заполняю свою пустоту невзаимной любовью, и в данный момент я пишу именно об этом. Откровенно выворачивая себя наизнанку. Ощущаю вместе с тем приятное опустошение.

Спустя какое-то время я чувствую настойчивый взгляд Адама на своем лице, ветер разносит мои волосы в разные стороны, карандаш падает, и волосы опускаются на плечи тяжелой волной.

– Не шевелись, – приказывает Адам, и я поднимаю на него глаза.

Он сидит близко ко мне и смотрит внимательно, сосредоточенно, пристально. Разглядывает меня всю. От покрывшейся мурашками кожи до ручки, которой я зажимаю губами. Чувствую, как его взгляд падает на мою грудь, и жалею о том, что сняла толстовку. Топ эластичный, он обтягивает каждый сантиметр моего тела.

– Продолжай смотреть на меня, Эмс. Мне нужно несколько минут, – хрипло произносит он и продолжает рисовать меня.

Я позирую ему больше двух часов, тело затекло, но я не шевелюсь. Адам так смотрит на меня, что я скорее разрешу

пристрелить себя, чем сдвинуться с места хоть на миллиметр.

– Ты очень красивая, Эмс, – говорит он и откидывается на постель. – Я сделал эскиз... – он замолкает. – Первый после каникул.

Я молчу, осознавая только что услышанные слова. Он протягивает мне бумагу, и я смотрю на себя. На его эскизе я столь загадочна... Взгляд кажется глубоким и очень грустным. В то же время есть во мне нечто притягательное: чувственные губы, между которыми зажат кончик ручки, вырез топа и изгибы моего тела. По коже вновь бегут мурашки. Ведь я сейчас вижу себя глазами Адама.

– Спасибо, Эмма, – говорит он.

Я поворачиваю голову и смотрю на него. Его майка слегка задралась, обнажая красивый пресс. Мне так хочется провести рукой по его коже, пройти по дорожке волос, ведущей вниз от пупка, и ощутить какой он на ощупь.

– Не за что, Адам, – шепотом отвечаю я, откладывая в сторону эскиз и ложусь рядом с ним. Он обнимает меня за плечи, я утыкаюсь носом ему в грудь.

– Ты всегда рядом, – тихо говорит он и нежно проводит по моим волосам. – Порой я думаю, как же здорово, что десять лет назад я попал с тобой в один класс.

Я счастливо улыбаюсь. Радость заполняет всю меня. Какой же невероятный день. Я вернула вдохновение Адаму и влюбилась в него еще сильнее. Хотя кого я обманываю? Сильнее некуда.

Глава 6

Эмма

– ЛЮБЛЮ ВЫПУСКНОЙ ГОД, всем вокруг исполняется восемнадцать! Мы ведь не тусили столько за все школьные годы, а тут одна вечеринка за другой. – Полин восторженно крутится перед зеркалом. На ней обтягивающее зеленое платье и ярко-красные туфли на высоких каблуках.

Я же стою рядом с ней в джинсах, но успокаиваю себя тем, что кофточка у меня тоже нарядная, черная, с открытой спиной и милыми жемчужинами по воротнику. Но, конечно, до Полин мне далеко. В целом до нее далеко очень многим. Такими рождаются, она всегда в центре внимания: с идеальной внешностью и заразительным смехом. Порой я ей завидую, но быстро гоню эти мысли прочь. Я знаю, что хотела бы быть похожей на нее, и знаю, что никогда не буду такой. Так что нет смысла травить душу.

– Эмма, у тебя не волосы, а просто сказка! – щебечет подруга. Этим летом на день рождения Полин получила в подарок от мамы стайлер Dyson с кучей насадок. Она уложила мои светлые волосы крупными романтичными локонами – вышло красиво. – У тебя на голове все оттенки блонда! Люди просиживают в салоне по несколько часов, чтобы достигнуть такого результата. А тебе сама природа подарила такой

чудесный золотой цвет.

Я улыбаюсь, довольная ее похвалой, будто в этом есть какая-то моя заслуга.

– Я подчеркну глаза темными тенями, а на губы нанесу блеск. Что думаешь? – спрашиваю совета, а руки тянутся к косметике. Я люблю косметику. Она делает меня красивее, как бы наивно это ни звучало. Тональный крем замажет все недостатки, хайлайтер подчеркнет достоинства, румяна добавят коже здоровый вид, а тени и подводка сделают глаза неотразимыми.

– Будет нежный и в то же время роковой образ! – соглашается подруга. – Сделаешь мне изумрудный макияж?

– Конечно!

Мне нравится красить Полин. Редкий макияж на ней смотрится плохо. Изумрудный же подчеркивает ее ярко-зеленые глаза миндалевидной формы.

Пока я выбираю все необходимое, она листает книжку. Мне кажется, она станет стилистом. Я вижу у нее ту же литературу по типам внешности, что и у мамы. Типология по Кибби, по Ларсон, книги по цветотипу. Интерес к моде у Полин был всегда, однако желание разбираться глубже появилось недавно. И если учесть, какая Полин легкомысленная, возможно, она быстро забросит новое хобби. Быть стилистом не так просто, как кажется. Нужно многому учиться и иметь терпение. Те же типажи необходимо определять по линиям тела и лица, не всем это дается легко. Я знаю, пото-

му что пробовала, но у меня не получилось.

– Мне кажется, у тебя смешанный типаж, что-то между Гамин-Драматик, – подает голос подруга. – Я прочла теорию Ларсон, и теперь мне хочется всех определять, – со смехом признается она.

– Да, Гамин-Драматик – мама определяла меня. Я как Тейлор Свифт, только толще нее в три раза.

– Да ну брось... Чтобы быть толще нее в три раза, тебе надо есть, не закрывая рта, прям как Поль! Я порой так завидую его обмену веществ.

– Я бы тоже не отказалась от такого метаболизма, – хмыкнув, соглашаюсь я.

– И кстати, у тебя правда есть что-то общее с Тейлор Свифт!

– Конечно, Полин! Она же моя сестра-близнец! – издевательски заявляю я, и подруга усмехается.

– Нет, все же не до такой степени, Эмма!

– Садись и закрывай глаза, я накрашу их, а потом сделаю тон.

Полин делает, что я прошу, и я приступаю к макияжу.

– Как там Адам? В последние дни ты пропадаешь только с ним.

Я не могу скрыть счастливую улыбку.

– Да, он вроде бы в порядке, мне кажется, ты была права, сказав, что парней быстрее отпускает несчастная любовь.

– Еще бы, я всегда права. И я сейчас не шучу, – серьезно

говорит она и добавляет: – И на правах самой правой я тебе советую переспать с ним.

Я перестаю орудовать кисточкой и замираю:

– Ты порой меня удивляешь! Как ты вообще себе это представляешь?

– Очень просто, Эмма. На одной из ваших домашних вечеринок наберись смелости и сделай первый шаг. Но только дело надо довести до конца.

Я хмурюсь, а наполовину покрашенная подруга смотрит на меня так, словно я совсем идиотка.

– Послушай, Эмма, Адам очень добрый, честный и правильный.

Я согласно киваю, и она качает головой.

– Нормальные женщины обычно пользуются этими качествами себе на благо, понимаешь?

– Нет, – честно признаюсь я, и Полин закатывает глаза.

– Если у вас дойдет до постели, он тебя не бросит на следующее утро. Адам не из тех, кто лишит девственности и растворится в воздухе! Тем более если дело касается тебя. Он станет твоим. Но для этого тебе необходимо придумать, как довести все до кровати.

– Это невозможно. – Я начинаю откровенно злиться. – Во-первых, неправильно им манипулировать, а это чистой воды манипуляция!..

Полин перебивает меня и с раздражением произносит:

– Любовь – это манипуляция, Эмма! Хватит быть такой

наивной! Все отношения – чистой воды манипуляция...

– Я не верю в это.

– Добро пожаловать в мир! – издевательски сообщает подруга. – А если ты не будешь манипулировать, он найдет другую. Какую-нибудь очередную девчонку «не в его вкусе», в которую влюбится по самые уши!

Я присаживаюсь на ее постель и растираю ладони, на внешней стороне руки черное пятно от подводки.

– Даже если я согласна на этот план, он никогда в жизни не переспит со мной, Полин. Это просто невозможно. Нечто из области фантастики.

Подруга садится рядом и берет мои руки в свои.

– Просто не упусти момент. Ты девушка, он парень. Как только почувствуешь притяжение между вами, действуй!

Я киваю, не потому что согласна, а скорее потому, что считаю: спорить бессмысленно. Полин из тех девушек, которые привыкли слышать «да» на все, что пожелают. Она не поймет, как сложно приходится таким, как я.

* * *

Восемнадцатилетие празднует наша одноклассница Клер. По этому случаю родители оставили ей в полное распоряжение квартиру, а сами уехали за город, в Нормандию. Я приезжаю с Адамом, который забрал меня от Полин, как только мы закончили приготовления. Подруга решила прийти чуть

позже. Опаздывать и привлекать к себе внимание – ее конек.

– Эмма! Ты отлично выглядишь, – встречает меня Клер, и я обнимаю ее.

Клер – высокая стройная мулатка. У них с Полин что-то типа соперничества. Но со мной она всегда мила и приветлива.

– С днем рождения, красавица! Это от нас с Адамом! – говорю я с улыбкой и передаю ей подарок.

– Я дал деньги, выбирала она, – добавляет мой лучший друг и поднимает руки в знак капитуляции, – так что все вопросы к ней!

– Там нижнее белье и помада, – объясняю я, и Клер смеется:

– Адам, не оправдывайся! Всем известна твоя страсть к женскому бельишку!

– О да, ведь стринги – это так удобно! Сужу исключительно по личному опыту!

Я хмыкаю, а Клер кладет мой подарок ко всем остальным и проводит для нас мини-экскурсию. Весь потолок зала в шарах, к стене приклеены серебряные цифры 18, в комнате гул голосов и танцевальной музыки. Хотя окно открыто нараспашку, здесь все равно довольно жарко. Мы с Адамом по очереди здороваемся со своими одноклассниками и знакомимся с новыми людьми. Народу собралось много, и я чувствую себя не в своей тарелке. Всегда стесняюсь новых компаний.

– Антуан и Владимир мешают коктейли, – громко рассказывает Клер и указывает рукой на импровизированный бар. – Там и «Кровавая Мэри», и «Мохито», и чего только нет! Они вошли в раж! – смеется именинница.

– Кровавая кто?

– Мэри, – усмехается Адам и по-доброму предупреждает: – В состав входит водка, будь аккуратнее.

– Ты же будешь рядом?

– Конечно.

– Тогда я, пожалуй, оторвусь.

Он пожимает плечами и улыбается:

– Давай отрываться вместе!

Этим мы и занимаемся. Я выпиваю один коктейль, и, честно сказать, мне этого более чем достаточно. Адаму нужно чуть больше, в итоге мы расслабляемся и танцуем, словно никого в комнате нет. Я так рада, что у меня есть он. Я люблюсь им... он выглядит таким живым, веселым, озорным.

– А это подарок от Адама! – звонко смеясь, кричит Клер и показывает всем ярко-красный прозрачный комплект белья, который я выбирала вместе с Полин. Подруга, решительно настроившись пробудить мою женственность, все-таки затащила меня в магазин белья. Вместо комплекта для себя я купила подарок для Клер, вызвав целую бурю ругательств.

При виде комплекта толпа начинает гудеть, свистеть и громко хохотать. Адам кланяется и принимает всеобщие овации.

– Я так и знал, что ты это сделаешь, Клер! – громко говорит он и добавляет: – Знайте, я сделал это по доброй воле и исключительно из мужской солидарности. Ведь повезет же кому-то!

– Явно не тебе! – кто-то острит в ответ.

– У него есть Эмма, ему уже повезло, – доносится чей-то возглас, и я краснею. Адам обнимает меня и целует в макушку.

– Вы чертовски правы, – а мне на ухо шепчет: – Хочу пить, пойдем на кухню.

На самом деле он хочет скрыться от всеобщего внимания. И я с ним согласна, я тоже не люблю оказываться в центре событий. На кухне никого нет, но свет горит, освещая маленькое, узкое пространство. Здесь тоже открыто окно, и свежий прохладный воздух ударяет мне в лицо, приятно охлаждая кожу. Адам берет колу со стола и спрашивает:

– Будешь?

– Да, – коротко отвечаю я.

Он стоит близко ко мне, и я ощущаю исходящие от него тепло и запах. Адам открывает колу – очевидно, кто-то от души взболтал ее, потому что жидкость взрывается, брызги летят в разные стороны, кола выливается мне на лицо и на одежду, стекает по майке Адама и по его щекам. Его рука в пене, и сладкая жидкость продолжает капать на нашу обувь и пол. Мы с ним переглядываемся и начинаем смеяться в голос.

– Я вся липкая! – сквозь смех сообщаю я. – Но ты выглядишь еще хуже! – Я указываю пальцем на огромное мокрое пятно у него на майке.

Адам убирает бутылку и тянет меня на себя.

– Иди обниму, Эмс, – нахально усмехаясь, говорит он.

Я пытаюсь вырваться из его объятий, но тщетно. Он притягивает меня к себе, и я смачно впечатываюсь в его насквозь пропитанную колой грудь. Но он на этом не останавливается и начинает гладить меня, вытирая мокрые руки.

– Отпусти меня, это отвратительно! Не вытирай об меня свои руки! – Я стараюсь говорить строго, но тщетно, – чувствую его липкие горячие пальцы на голой спине, и мой голос становится мягче.

Он слегка щекочет меня, и я начинаю смеяться.

– У этого есть свой плюс! Теперь мы с тобой сладкие в прямом смысле этого слова! – пьяно шутит Адам и целует мою щеку, мокрую от колы. – Мм, вкусняшка, Эмс!

Адам выглядит сейчас таким... таким радостным. После Италии он был сам не свой – молчаливый, задумчивый, грустный. Однако сейчас он открыто улыбается, и его смех разносится по всей кухне, отдаваясь эхом у меня в сердце. Я поднимаю руку и поправляю его длинные волосы. Задерживаюсь на мокрой щеке и медленно провожу пальцем по ней, а потом облизываю его.

– Ты тоже вкусняшка, Адам!

Он вновь смеется и неожиданно начинает кружить меня

под музыку, доносящуюся из зала. Мы танцуем прямо в луже из колы. На кухню заходит Полин.

– Ты пришла! – восклицаю я, и подруга вместо приветствия удивленно поднимает брови.

– Вы облили друг друга колой?

– Не-а, мы всего лишь открыли ее, – хохоча, сообщаю я и подстраиваюсь под ритм песни.

– Так, это надо убрать до того, как Клер увидит и получит сердечный приступ.

Мы с Адамом в очередной раз прыскаем со смеху.

– Вижу, вы оба уже готовы, – с теплой улыбкой констатирует Полин. – Окей, где тут швабра, я все уберу! Но с вас причитается.

Честно признаться, я практически не пьяна. Уверена, Адам тоже не сильно выпил. Но нам так хорошо сейчас, порой важно почувствовать себя свободными и раскованными. Счастливыми и беззаботными, пусть даже на крохотную миллисекунду.

Полин помогает нам прибраться на кухне.

– Мерси, Полин! – говорит Адам и хватает ее за руку. – Давай с нами!

Он кружит ее, она тоже смеется, но вырывает руку.

– Ну уж нет, вам и без меня хорошо! – шутит подруга и подмигивает мне, а на ухо шепчет: – Не упusti момент.

Я замираю от ее напоминания и прикусываю губу.

– С Эммой всегда хорошо, – заключает Адам и крепко

обнимает меня со спины, зарываясь носом в мои волосы. – Ванилью, от тебя пахнет ванилью. Обожаю ваниль.

Возможно, он действительно пьян сильнее меня, проносятся у меня в голове. А на губах невольно расплывается улыбка от его комплимента. Полин заговорщически улыбается и, вымыв руки, покидает ком нат у.

Я поворачиваюсь к нему лицом, мы стоим так близко друг к другу. Разглядываю каждую черточку его лица, задерживаю взгляд на губах. Мы практически никогда не были так близко. Адам сглатывает. Чувствую напряжение и дикое желание поцеловать его.

– Поехали домой, – шепчу я, – мы оба в коле, кожа липкая.

– Ощущение не из приятных, – отшучивается он, и, подавшись порыву, я трусь щекой об его подбородок.

Он делает резкий шаг назад, и между нами образуется пропасть.

– Я вызову Uber, – коротко бросает Адам, мне неприятна его реакция.

Я опускаю глаза в пол и молча киваю. Он достает новый телефон из кармана и начинает печатать.

– Вызову две машины, одна отвезет тебя, другая меня.

Я хмурюсь, сцепляю руки в замок.

– Папы нет дома.

– Опять?

– У его друга проблемы, как он сказал, ему нужно задержаться на неопределенное время.

– Какого рода проблемы? – не поднимая головы, интересуется Адам.

– Папа не рассказал.

– Думаешь, этот друг – женщина?

– Я не знаю, но если это так, то я рада за него. Ему давно пора наладить личную жизнь.

– А ты не будешь ревновать? – с сомнением спрашивает Адам, и я понимаю, что он знает меня как облувленную.

Мне хочется ответить ему, что я ревную только его, ведь он единственный, кто всегда рядом, отца чаще всего рядом не бывает.

– Нет, я правда буду рада, – тихо произношу я и еще тише добавляю: – Останься на ночь у меня.

Адам отрывает глаза от экрана телефона и смотрит на меня.

– Пожалуйста, – шепотом добавляю я, – я не хочу быть одна в этой огромной квартире.

Между нами появляется неловкость и недосказанность. Впервые за все годы нашей долгой дружбы Адам выглядит сбитым с толку и неуверенным. Но я чувствую, как он сдается под моим жалобным взглядом.

– Хорошо, Эмс, – соглашается он и натянуто улыбается мне.

В такси Адам кладет голову мне на плечо и закрывает глаза. Мы не разговариваем. Лишь радио RTL2, которое слуша-

ет таксист, разбавляет тишину рекламой и музыкой. Опять идет дождь, и огни фонарей сливаются с каплями, размывая силуэт города.

На часах больше полуночи, я тоже прикрыла глаза и щекой потерлась о волосы Адама. Они мягкие и приятные на ощупь. Мы быстро подъезжаем к моему дому.

– Вот там, около парикмахерской, – говорю я водителю, потому что нет ни малейшего желания бежать под дождем до подъезда.

– Адам, мне надо найти ключи, – шепчу я ему на ухо, и он с ленцой приподнимается и потягивается.

Я достаю ключи из кармана джинсов, и мы выскакиваем из такси под ливень, перебегаем через огромную лужу и оказываемся в подъезде. Адам выглядит сонным и громко зевает.

– Ты что, правда уснул?

– Немного, – невнятно бормочет он.

Дома, как всегда, темно и тихо, и мы не включаем свет.

– Нам нужен душ и чистые вещи. Я дам тебе папину футболку.

– Буду рад, – с наигранным энтузиазмом шутит друг, – всю жизнь мечтал потаскать шмотье твоего старика.

Я усмехаюсь и направляюсь в папину комнату. Здесь царит идеальный порядок, и я достаю первую попавшуюся футболку из стопки в шкафу, а затем возвращаюсь в свою спальню.

– Вот, – я передаю ее Адаму.

Он без задних мыслей стягивает прямо передо мной свою промокшую и говорит:

– Давай ты первая в душ, я после тебя.

Я замираю. Смотрю на широкие плечи, красивые ключицы, накачанную грудь и не могу оторвать глаз. Взгляд падает на плоский живот и дорожку волос, бегущую вниз от пупка. Чувствую, как краснею, мне становится жарко. Медленно поднимаю глаза и сталкиваюсь с изучающим и проникновенным взглядом Адама. Он такой красивый. От него пахнет чем-то мужским, терпким, приятным. Между нами словно наэлектризован воздух. Слова Полин эхом звучат в голове. Нельзя упускать момент, иначе потом... Он вновь найдет другую. Может, люди правы, когда говорят, что в любви, как на войне, все средства хороши. Честно говоря, я не знаю, моя голова не в состоянии сейчас здраво мыслить. Я чувствую, как у меня пересохло в горле от частого и тяжелого дыхания.

Делаю два медленных шага и приближаюсь к нему вплотную. Он молчит, его брови сведены на переносице, ощущаю исходящее от него напряжение. Я поднимаю руку и кончиками пальцев пробегаю по его груди. Он такой горячий, такой твердый. От моих прикосновений его мышцы напрягаются, а сердце выбивает бешеный пульс под моей кистью.

– Эмс, что мы делаем? – хрипло спрашивает он у меня.

Я молчу, не зная, что ответить. На секунду мне становится страшно, что он отвергнет меня. Но я не могу остановиться

и продолжаю касаться его. На кончиках моих пальцев хранится все недосказанное. Вся любовь, трепет и желание. Все это я вкладываю в каждое свое прикосновение. Есть в этом особое наслаждение – касаться любимого человека. Дотрагиваться и ощущать тепло его кожи. Я провожу носом вдоль его шеи, вдыхая его запах. Так хочется раствориться в нем. Я целую его в подбородок, затем в уголок губ, Адам замирает, а затем неожиданно крепко обнимает меня. Его руки запутываются в моих волосах, и он целует меня в висок.

– Эмс, – тихо начинает он, – у меня в голове все еще другой человек, – честно признается он и заглядывает мне в глаза. – Я не хочу обманывать тебя.

Я слышу волнение в его голосе.

Адам так близко, он нежно проводит щекой по моей щеке. И я понимаю, что мне все равно, кто у него в мыслях и от каких воспоминаний он бежит. Ведь в данную секунду он стоит передо мной, и я чувствую его руки на себе. Что еще имеет значение?

– Поцелуй меня, Адам, – еле слышно прошу я и тянусь к его губам, – отключи голову, отдайся моменту и просто поцелуй меня.

Его внимательный взгляд бродит по моему лицу, он сомневается... Взвешивает все за и против. Я вижу борьбу, которая отражается у него на лице.

– Позволь мне помочь тебе забыть, – шепчу ему в губы, – просто позволь.

Я знаю, ему сейчас необходимо тепло, интуиция подсказывает мне, что он действительно жаждет этих прикосновений. Я приподнимаю голову и целую его, не давая ему возможности передумать. Полин права, я слишком давно люблю его, я должна бороться за свою любовь.

Адам на вкус как кола. Я прикусываю его нижнюю губу, целую нежно, трепетно. Секунду Адам не шевелится, а после обхватывает меня за затылок и притягивает ближе, усиливая наш поцелуй. В моей голове в этот момент абсолютно пусто, а в душе взрывается фейерверк. Я будто нахожусь в одном из самых потрясающих снов. Его руки бродят по моему телу, он медленно забирается мне под майку, и я чувствую его прикосновение на животе. Мне становится очень жарко, он словно разжигает во мне пламя. Мы продолжаем целоваться. Тяжело дыша, урывками выхватывая воздух.

– Раздень меня, Адам, – на выдохе прошу я.

Он замирает и вновь заглядывает мне в лицо:

– Эмма, ты уверена?

И вместо ответа я снимаю кофту. Он разглядывает мое тело, его пальцы непроизвольно выводят круги и узоры на моей коже.

– Ты красивая, – тихо говорит он и обнимает меня за талию. Чувствую, как моя грудь упирается в его. Кожа к коже.

– Хватит думать, Адам. Давай просто чувствовать, – шепчу я ему на ухо, и сильные руки обхватывают меня крепче. Его губы сливаются с моими в нетерпеливом поцелуе.

– Если будет больно или захочешь остановиться, скажи, – шепчет он.

Но я знаю, что ни за что, ни при каких обстоятельствах не захочу остановиться. Мы перестаем думать. Отдаемся всецело чувствам, эмоциям, бурлящей страсти. Он кладет меня на постель, секунда – и мы полностью раздеты. Это невероятное ощущение: его руки на моем теле, мои руки на его. Пальцы переплетаются, тела соединяются, дыхание сбивается. Мне немного больно и капельку стыдно. Но я смотрю в его лицо. Целую его подбородок и шею. Он захватывает мои губы в глубоком сладком поцелуе, убивая неловкость и стыд.

– Я люблю тебя, Адам, – шепотом признаюсь я, он притягивает меня ближе и зарывается носом в мои волосы.

Он не отвечает, но мне этого и не нужно. Мне достаточно того, что он рядом. Мне достаточно его поцелуев и прикосновений. Мне достаточно быть желанной и находиться в его объятиях. Мне достаточно всего того, что он готов мне дать. Ведь я точно знаю, моей необъятной любви хватит на нас двоих...

Глава 7

Лили

Настоящее время

ШЕСТЬ УТРА. В ПАРИЖЕ все еще темно, солнце явно не спешит подниматься над городом. Я сижу на балконе и впитываю в себя утреннюю тишину. Весна – мое самое любимое время года. На деревьях уже набухли почки, кое-где даже зеленеют листья. Воздух свежий, прохладный, легкий ветерок играет с моими волосами. Идеальное и прекрасное утро. Осталось только побегать, разогнать кровь в теле, почувствовать силу собственных мышц. Я выхожу с балкона и направляюсь в ванную, по дороге беру с собой вещи для бега. Пол под моими ногами предательски скрипит. На деюсь, все крепко спят и я никого не разбужу. Переодеваюсь и выхожу в коридор, иду на цыпочках, в руках держу кроссовки и предвкушаю утреннюю пробежку. Неожиданно прямо у двери встречаюсь с Жеромом. Он тоже в шортах и майке, сидит на корточках и завязывает шнурки.

– Доброе утро, – говорит он, не поднимая головы, – ты тоже бегаешь?

Я хочу сказать нет, но понимаю, что буду выглядеть глупо,

поэтому нехотя киваю.

– Да, люблю порой побегать... – Слово «одна» вертится на кончике языка, но я проглатываю его, решая не грубить попусту.

– Круто, всю жизнь мечтал о компаньоне! – воодушевленно заявляет мне Жером, и я подавляю стон.

Черт, не получится избавиться от него. Я молча надеваю кроссовки и следую за ним на улицу.

– Обожаю, когда так пусто, – вновь произносит мой отчим, явно желая поболтать.

Но вот незадача, я, к сожалению, не в настроении, поэтому коротко отвечаю:

– Угу.

Жером в отличной форме; когда мама сказала, что ее избраннику пятьдесят два года, я, честно говоря, стала переживать: ведь ей только будет сорок два. Разница в десять лет казалась мне слишком большой. Однако после знакомства с Жеромом Деланье я поняла, что все не так уж и плохо. Он оказался высоким, с добрыми зелеными глазами, в неплохой физической форме, с красивой белозубой улыбкой и густыми волосами. Конечно, у него виднелась седина, но в целом он выглядел «как огурчик» (цитата моей бабушки, которая была на седьмом небе от счастья после знакомства с месье Деланье).

Впервые я увидела его в больнице. Он пришел туда с мамой забрать меня после несчастного случая.

Даже тогда он вел себя по-мужски. Мама была в истерике, он не оставил ее, успокаивал и поддерживал. Помню, как он набрал номер дочери и тихо сказал, что у его друга проблемы. Он не стал раскрывать подробностей, и я тогда подумала, что неболтливые мужчины в топе моих предпочтений. Эмма до сих пор не знает, что именно со мной случилось. Мне так комфортнее. Ненавижу жалостливые взгляды и причитания.

– Мы можем побежать вдоль авеню де ля Бурдоне, свернуть на набережную и выйти на мост Альма. Или можем побегать на Марсовом поле, но там песок и поднимается пыль... Все бегают в том районе, а я вот не очень люблю. Что скажешь? – подает голос Жером, возвращая меня из водоворота мыслей.

– У тебя же есть привычный маршрут? Давай по нему и побегим, – предлагаю я и слегка растягиваю ноги перед бегом, после прыгаю на месте и сообщаю: – Я готова.

Мы стартуем. Жером сначала бежит вполсилы – видимо, не верит, что я серьезно занимаюсь бегом. Впрочем, он быстро понимает, что к чему, и набирает скорость.

– А ты отлично бегаешь! – хвалит он, но я ничего не отвечаю.

Шрам на руке начинает побаливать – фантомные боли. Я бегала каждый день после своего возвращения из Италии. Я бегала до отсутствия воздуха в легких и боли в ногах. Мне казалось, я слишком медлительна и должна быть быстрее.

Потому что, если бы я смогла убежать тогда, ничего непоправимого не случилось бы.

– Отличная сегодня погода, не находишь? – спрашивает Жером, в очередной раз прерывая ход моих мыслей.

И я вновь отвечаю:

– Угу.

Новая попытка завязать разговор с треском проваливается. Я правда хочу быть вежливой и воспитанной, но не могу заставить себя вести светскую беседу. После бессонной ночи у меня нет сил фальшиво улыбаться и делать вид, что жизнь прекрасна. Легкий утренний ветерок дует мне в лицо, небо потихоньку приобретает красный оттенок. Погода и правда замечательная, наконец пришла весна. Но я не могу разделить восторга с Жеромом, мне сложно дается общение с ним. Он мой отчим и нравится мне, потому что в данный момент делает счастливой мою маму. Но я так хотела побегать в тишине, одна, заглушить назойливые мысли. В какой-то момент Жером понимает, что мы будем бегать без душевных разговоров, и прекращает задавать глупые вопросы. Мы наворачиваем круги вокруг османовских зданий в полной тишине, лишь слышны удары кроссовок об асфальт и наше громкое дыхание. Мы выбегаем к мосту, и я останавливаюсь, пораженная красотой этого города. Над Парижем поднимается солнце, окрашивая небо в нежно-розовые цвета. Первые лучи играют в водах Сены, она сверкает и переливается. А перед моим взором во всем своем великолепии

предстает идеальная панорама из открытки. Эйфелева башня, парижские дома, деревья, река и пустой, абсолютно пустой город. Я стою на железном мосту, который, кажется, называется Альма, и не могу перестать любоваться невероятной картиной. Красивейший рассвет, в душе появляется знакомое чувство вдохновения. Глупая часть внутри меня мечтает показать этот рассвет Адаму, в голове возникают вопросы: спит ли он сейчас? Или, быть может, тоже наслаждается тем, как нежно-розовое небо постепенно превращается в белое, а после становится чисто-голубым? На глаза наворачиваются слезы. Мы теперь с ним в одном городе, и вместе с тем мы теперь чужие люди. Никогда бы не подумала, что он станет для меня чужим. Две капли падают с ресниц на щеки, и я быстрым движением стираю их с лица.

– Я хотел бы поблагодарить тебя за то, что не стала противиться переезду и поддержала Амели. – Жером называет маму по имени, и в его голосе столько тепла. – Я прекрасно понимаю, как, должно быть, сложно менять привычный уклад жизни, особенно под конец выпускного класса, но, знай, я очень благодарен тебе и уверен, что все будет хорошо.

Он наверняка видел, как я стираю слезы. Я злюсь на себя, потому что в последнее время превратилась в чертову истеричку, которая не в состоянии контролировать эмоции. Он думает, что я плачу из-за переезда, – какая ирония! Я плачу потому, что последние пять месяцев жила мечтами об одном-единственном человеке, я плачу, потому что нашла его

здесь, в Париже, но жизнь решила посмеяться надо мной, и он оказался «лучшим в мире парнем» моей сводной сестры, дочки человека, который пытается меня сейчас успокоить и говорит, что все будет хорошо.

– Я знаю, что все будет хорошо, – уверенно отвечаю я. Потому что я не слабачка, которая будет лить слезы и жаловаться на жизнь своему новому «папочке», потому что неважно, что я чувствую и через что прохожу, он все равно мне не поможет, точно так же, как и слезы.

Жером улыбается мне, показав ровный ряд белых зубов, и неловко хлопает по плечу.

– Мне нравится твой настрой, как и нравится, что вы теперь живете с нами. Эмма за долгое время впервые стала ужинать дома. У нас в принципе никогда не было традиции семейных ужинов. Ее мать была слишком зациклена на себе, а я на работе... знаешь, как бывает... А потом дети вырастают, и ты уже не навяжешь им новые устои.

– А где сейчас ее мама? – спрашиваю я.

За все время пребывания в Париже я ни разу ничего о ней не слышала; знаю, что она жива, потому что бабушка говорила, что Жером разведен уже пять лет.

– Она сейчас в США, если точнее, покоряет Голливуд.

– Она актриса?

– Нет, стилист, – нехотя отвечает Жером, – я не общаюсь с ней, она периодически созванивается с Эммой.

Последнее предложение он произносит таким тоном, что

я понимаю: расспросы закончены.

– Извини, если я лезу не в свое дело, – говорю я. В конце концов, мне жить с этим человеком под одной крышей, не хотелось бы, чтобы он думал, будто у меня нет чувства такта. – Сложные отношения с одним из родителей – это немного по моей теме, тоже не люблю лишних расспросов, – усмехнувшись, шучу я, чтобы сгладить неловкость. Уверена, мама рассказала ему все о моем отце.

Жером тепло улыбается мне:

– Побежали домой, Лили. Время близится к восьми, и тебе сегодня в школу.

Напоминание о школе вызывает озноб во всем теле. Ведь в школе я увижу Адама... На секунду в голове мелькает мысль, что я могла бы притвориться больной и никуда не идти. Так я сделала после нашей встречи в коридоре. Схватила за голову в прямом смысле слова, пожаловалась Эмме на невыносимую боль, позвонила маме и вызвала Uber, потому что школа хоть и недалеко от дома, но я сама бы в жизни не нашла дорогу обратно. Я провела весь день дома, обдумывая произошедшее. Я не плакала. Я была в шоке. Сובлазн притвориться больной вновь очень велик. Но я быстро отбрасываю эту идею – не буду прятаться, не буду скрываться. Я пройду через это испытание с высоко поднятой головой, не жалея себя и не вызывая жалость у окружающих.

– Побежали, – бормочу я и срываюсь с места.

«У меня получится, я смогу», – словно мантру, повторяю

про себя несколько раз. Я смогу находиться с ним в одном классе, я смогу избежать слез, я смогу удержать все эмоции внутри. С этими мыслями я бегу что есть силы. Бегу так быстро, что начинаю ощущать металлический привкус во рту и боль в боку, но не могу остановиться. Не могу перестать убегать, хотя отчетливо осознаю, что от себя не убежать и не скрыться.

Когда мы приходим домой, в коридоре нас встречает сонная Эмма.

– Ты бегал? – недоуменно спрашивает она у отца. – С каких пор тебя не устраивает беговая дорожка?

Жером за моей спиной застывает и, похоже, не знает, что ей ответить. А я все понимаю: мама, должно быть, рассказала ему о том, что я бегаю по утрам. Сегодня утром, когда я одевалась, он, скорее всего, услышал мои шаги и увязался за мной. Этот его поступок потрясает меня. Мне становится не по себе, ведь я все утро избегала разговоров с ним.

– Завтра в это же время, Жером? – не поворачивая головы, откашлявшись, спрашиваю я и опускаюсь на корточки, чтобы снять кроссовки.

– Было бы отлично, – тут же отзывается он радостным, бодрым голосом. – Эмма, хочешь, присоединяйся к нам.

Она громко зевает и трет глаза.

– Ни за что на свете...

Я молча поднимаюсь в свою комнату и бегу в душ. Жером встал рано утром, чтобы побегать со мной.

Возможно, так он хочет навести мосты. Может, он действительно хочет, чтобы мы стали настоящей семьей. Никто ни за что на свете не заменит мне папу. Никто ни за что на свете не сможет вылечить рану, нанесенную им. Но у Жерома может быть свое место в моей жизни. Если я что-то и поняла за свои восемнадцать лет, это то, что добрых людей мало. Мало кто поставит твои интересы выше своих или проснется в шесть утра, чтобы побегать с новоиспеченной падчерицей. Надо быть благодарной и ценить подобное отношение.

Быстро позавтракав, мы с Эммой идем в школу пешком. Она ничего не говорит, все ее внимание сосредоточено на телефоне, в котором она невероятно быстро что-то печатает. Так мы и доходим до частной школы Paul Claudel-d'Hulst в 7-м округе Парижа. Я изучила их веб-сайт перед переездом. Католическая школа, они славятся строгой дисциплиной, 97 % выпускников сдают выпускные экзамены на отлично. Перед школой уже собралась толпа учеников: все курят, передают друг другу сигареты и зажигалки, громко смеются, матерятся и глупо шутят о сексе. Я точно читала об этой школе? Единственное, что меня действительно радует, – в толпе нет Адама, а еще тот факт, что Эмму утащила ее подруга рассказать нечто грандиозное о каком-то соседе, нечто, явно не предназначенное для моих ушей. Искренне надеюсь, что сводная сестра не планирует становиться моим ангелом-хранителем, потому что, ей-богу, в няньке я точно

не нуждаюсь. И только я хотела облегченно вздохнуть, мне навстречу вальяжно вышел зеленоглазый парень, с которым она меня вчера познакомила. Вид у него такой расслабленный и уверенный, словно он точно знает, что мои трусики слетят лишь от одного его взгляда, и меня это немного раздражает. Если бы мы познакомились с ним до моей поездки в Италию, я бы назвала его симпатичным и ради развлечения даже пофлиртовала бы с ним. Сейчас же настроение абсолютно неподходящее.

– Лили! – восклицает он и тут же чмокает меня в щеку. Чмокает по-настоящему, медленно и с хитринкой в глазах. – Как ты? Надеюсь, тебе лучше и ты не убежишь вновь домой.

Я отхожу от него на шаг и с натянутой улыбкой произношу:

– Все отлично, не переживай... гм...

Я замолкаю и даю понять, что вспоминаю его имя. Я правда не помню, как его зовут. Будь он менее самовлюбленным, я бы проявила чудеса воспитанности, и он бы даже не догадался, что я не знаю, как к нему обратиться. Но сейчас мне хочется сбить с него спесь, хотя бы самую малость. И это работает, парень хмурится и неловко усмехается.

– Поль, – представляется он, прикусив губу, – приятно познакомиться!

– Точно, Поль! Прости, Эмма вчера меня перепознакомила с половиной школы, сам понимаешь, невозможно запомнить всех... – произношу я с обаятельной улыбкой. Мама всегда

спрашивает, кого я хочу убить, когда так улыбаюсь.

Поль хмурится еще сильнее, и я думаю: «Да-да, мой дорогой Поль, ты попал в категорию всех. И такое бывает, смотри не расплаться». Он хочет что-то сказать, но группа парней зовет его весьма вовремя. Еще чуть-чуть, и я начну практиковаться в сарказме, но, полагаю, нежная психика Поля этого не выдержит.

– Увидимся, Лили, – махнув рукой, говорит он.

– Да-да... – без энтузиазма отвечаю я, и он выглядит озадаченным.

Как только Поль уходит от меня, доносится девичий голос:

– Это было неожиданно... для него.

Я поворачиваю голову и ловлю любопытный взгляд девушки, с которой еще не знакома.

– Так месье Совершенство еще никто не ставил на место, – с улыбкой сообщает она и представляется: – Я Сесиль.

– Лили, – по инерции отвечаю я, и Сесиль усмехается.

– Я в курсе... постой, кажется, в курсе вся школа. Ты Лили Лепран из Лозанны, новенькая ученица и сводная сестра Эммы Деланье.

– Новости распространяются нынче быстро, – отзываюсь я, и Сесиль хмыкает.

Она намного выше меня и очень крупного телосложения. Я бы назвала ее большой, но не грубой. У нее миловидное лицо и нежно-розовая гладкая кожа, большие ярко-зеленые

глаза и красивые густые русые волосы.

– Приятно познакомиться, Сесиль, – искренне говорю я. – Если месье Совершенство капельку раздражает и тебя, то, думаю, у нас с тобой много общего.

Звенит звонок, Сесиль мило улыбается и, качнув головой в сторону школы, произносит:

– Пойдем, Лили.

Я иду вслед за ней.

– Мы с тобой в одном классе?

– Нет, но, если будешь скучать на переменах или не с кем будет пообедать, я в твоём распоряжении.

– Спасибо, – отзываюсь я.

– У меня сейчас информатика, это в ту сторону, а у тебя история – это в другую. Вон там твои одноклассники. – Она указывает на толпу, которую возглавляет Поль.

И я закатываю глаза:

– Тогда я пошла.

– До скорого, Лили. Сил тебе и терпения, – с иронией произносит Сесиль.

Я фыркаю и иду к своему классу, меня сразу же хватает под руку Эмма и заговорщическим шепотом сообщает:

– Мадемуазель, с которой ты сейчас говорила, – девушка сына президента Франции.

– Вроде для меня это не новость, но я всегда впадаю в шок, когда слышу об этом, – бормочет подруга Эммы, Полин – высокая худощавая шатенка, которая точно проводит часа

два перед зеркалом, прежде чем выйти из дома. – Ничего не имею против Сесиль, – продолжает она, – но вы же видели, какой он красавчик. Что он в ней нашел, уму непостижимо.

– Я не видела, какой он красавчик, – подаю я голос без всякого интереса к теме. Девушка сына президента? Впечатляет, но все мы люди, а в строгой частной католической школе в одном из самых дорогих районов Парижа, как показывает практика, учатся дети людей, которые могут себе это позволить.

– Полин, внешность далеко не главное, и плюс ко всему Сесиль очень милая, – раздраженно произносит Эмма.

– «Внешность – не главное», – говорит девушка, парень которой – Адам Витьелло.

При упоминании его имени мое сердце пропускает удар, а вдоль позвоночника бежит нервная дрожь. Я столько раз писала это имя в поисковиках...

Тем временем Полин продолжает.

– Вот когда ты начнешь встречаться с каким-нибудь прыщавым задротом, будешь иметь право разглагольствовать, – умничает она и тут же сует мне под нос свой телефон, с которого на меня смотрит симпатичный голубоглазый блондинчик, аккуратно одетый и причесанный. Абсолютно не в моем вкусе, этакий буржуа, ходячая реклама Ralph Lauren. Но если посмотреть на него объективно, то, конечно, он того типа парней, о которых многие мечтают.

– Симпатичный, – коротко отвечаю я.

А Эмма уверенно заявляет:

– Я никогда в жизни не буду встречаться ни с кем, кроме Адама, и, знаешь, Полин, я буду любить его всяким. Даже если он растолстеет или весь с ног до головы покроется прыщами. У нас с ним отношения совершенно на другом уровне. Я могу смело сказать: внешность – не главное, потому что я люблю душу этого человека. Усекла?

– Чего ты так кипятишься? – непонимающе хмурится Полин. – Я же никого не обижаю и никому своего мнения не навязываю. Сугубо на мой вкус, этот красавчик мог подцепить кого угодно, но если ему нравится Сесиль...

– Значит, ему не нужен никто, кроме Сесиль, – перебив ее, говорит Эмма, – точно так же, как и мне никто, кроме Адама. Даже если сам Хиро Файнс-Тиффин предстанет передо мной и начнет клясться в любви, я пошлю его. Потому что любовь не выбирает по принципу «кто лучше», любовь выбирает своего человека.

Полин устало вздыхает:

– Как скажешь.

А я молчу, пытаюсь понять, как дышать, и борюсь с желанием убежать на край света. Как выключить голову и не думать ни о чем. И, самое главное, как выключить сердце, ведь всему виной именно оно...

Мы поднимаемся по крутой винтовой лестнице, я еле волочу ноги. Как же это больно. Просто-напросто больно. Я поднимаюсь на последнюю ступеньку, как вдруг кто-то выле-

тает из коридора, неожиданно толкает меня в плечо и, бросив громко «пардон», несется вниз по лестнице. И все бы ничего, но я теряю равновесие и практически лечу вниз по ступенькам вслед за своим обидчиком. Кто-то со всей силой тянет меня за руку прямо на себя, и я впечатываюсь лицом в крепкую мужскую грудь. Этот запах... смесь сигаретного дыма и чего-то особенного. Я в ужасе поднимаю глаза и шепчу:

– Адам.

Он тут же отпускает меня, мгновенно убирает руки и бросает на меня хмурый взгляд.

– Люди ненормальные, – возмущается Полин.

– И не говори, – шокированно отзывается Эмма и добавляет: – Адам, вот у тебя реакция!

– Вы уже знакомы? – переводя взгляд с меня на него, спрашивает Полин.

– Да, я вчера их успела познакомить до того, как Лили стало плохо, – как ни в чем не бывало отвечает Эмма, целует его, а затем говорит сладким голосом: – Привет, мой герой.

Он обнимает ее и с улыбкой отвечает:

– Доброе утро.

Я заглядываю Адаму в глаза... Карие, мой любимый цвет. Они непроницаемы. Первый раз в жизни я не могу прочитать их. Он закрылся от меня. Мне хочется спросить его: «А помнишь нашу первую встречу? Там, во Флоренции, на площади, помнишь?» Но я сжимаю крепко губы и молчу. Если он смог забыть меня и спустя пять месяцев обнимает дру-

гую, то и я смогу... Ведь правда смогу? Но внутренний голос предательски шепчет: «Я не уверен...»

* * *

У нас история. Я сажусь в самом конце класса и действительно пытаюсь слушать учительницу, но мои мысли где-то далеко. Сосредоточиться не получается. Жизнь – чертовски сложная и невероятно непредсказуемая штука. Как иначе объяснить, что мой Адам – это «лучший в мире парень» моей сводной сестры? Просто непостижимо. Самое отвратительное – я вижу, что она любит его. Любит по-настоящему, это читается в ее влюбленном, до тошноты мечтательном взгляде. Я всю жизнь ненавижу этот взгляд. Чаще всего реакция посторонних на него бывает такая: громкий вздох, глупая улыбка и причитания – эх, любовь, любовь... Я из тех, кто закатывает глаза и спешит убраться подальше от влюбленной парочки до того, как меня вывернет от отвращения. Я достаю ту самую тетрадь, в которой писала сегодня ночью; взяв ручку, бросаю последний взгляд на Адама и продолжаю:

У меня в жизни не было сладкой романтики... до тебя. Рассказы про милые прикосновения под луной были для меня суицидом... до тебя. А еще до тебя у меня был единственный парень, которого я встретила в клубе в прошлом году на новогодней вечеринке.

Когда я была маленькой, я часто подслушивала мамин разговоры с подругами. Мне очень сильно хотелось понять, почему папа ушел. Моей маме тоже, поэтому большинство разговоров сводилось к теориям и гипотезам, почему и зачем он так поступил. Чаще всего причиной был секс. Мамин подруги хором объясняли, что для мужчин секс важнее детей и жен. Поправочка: охрененный, невероятный, сногшибательный секс. «Они думают членами», – цитата великих женщин. Надеюсь, ты чувствуешь мой сарказм. Сейчас я понимаю, что это полнейший бред. Но я обдумывала эту мысль очень-очень-очень много лет. Задавалась вопросом: что такое секс и почему ради него бросают? Что в нем невероятного? Согласись, мир повернут на сексе. Все бесконечно мечтают о нем, думают о нем, говорят о нем и жаждут его.

В десять лет я посмотрела первый порнофильм. Что я могу сказать? Меня повергла в ужас женщина с необъятным бюстом и звуки, которые она издавала, все происходящее на видео не вызвало во мне ничего, кроме омерзения. В четырнадцать лет я прочитала свой первый роман 18+, в котором главная героиня-девственница в свою первую ночь с мужчиной испытала три оргазма. Знала ли я, что это всего лишь сказки для взрослых? Нет, Адам. К слову, порнушка в книгах понравилась мне больше, чем кинематограф. Возможно, у меня лучше развита фантазия, чем у большинства порнорежиссеров. Я не обсуждала секс с мамой. Как-

то она купила мне книгу о женском теле, а затем в моей ванной появилась коробка презервативов. На этом все. И меня такой расклад устраивал. Когда я встретила того парня в клубе, я сказала себе: «А почему бы и нет?» Я испытывала возбуждение, мне нравилось с ним танцевать, нравилось, как он целует меня, и мне хотелось зайти дальше. Что я и сделала, но это было хуже, чем ужасно. Больно, стыдно, неприятно, опять стыдно и чертовски нелепо. В момент, когда я лишалась девственности, я вспомнила ту самую героиню и ее три оргазма, а после истерически расхохоталась. Поняла ли я, что люди находят в сексе? Черт возьми, нет. После моего первого раза я думала лишь об одном: да никогда в жизни я это не повторю. Вот, в общем-то, и все мои познания об отношениях и романтике... До встречи с тобой. Знаешь, Адам, моя жизнь разделилась на несколько этапов. Например, есть этап «До развода родителей» и этап «После», есть «До встречи с тобой» и «После». До встречи с тобой я была уверена, что любви не существует. Люди придумывают ее, мечтают о ней и бесконечно жаждут ее, точно так же, как и секса. Но она является лишь плодом их фантазии. Ведь говорят, что любовь живет только в книгах и там ей самое место. Я всегда была склонна считать, что у людей есть пять чувств: осязание, слух, зрение, вкус, обоняние. А любовь словно некое шестое чувство. Иллюзорное, выдуманное, несуществующее. Но теперь понимаю, как я ошибалась.

Я приехала во Флоренцию в одиннадцать часов пятнадцать минут, автобус простоял в пробке целый час и поэтому задержался. Уезжала я из Лозанны в пальто, джинсах и коротких ботинках, да еще и с зонтиком в руке. Италия же встречала меня ярким солнцем, чистым небом и тридцатиградусной жарой. После дождливой Лозанны, серой и унылой осени я была просто в восторге и с наслаждением подставила лицо теплым лучам.

Начну со своего первого приключения: мой телефон перестал работать сразу же после того, как мы пересекли границу Италии. Роуминга в моем тарифе не было, а я об этом совсем забыла. Я стояла на автовокзале и гадала, что делать дальше. Затем решила поддаться стадному инстинкту и последовала за толпой. Чтобы доехать до центра Флоренции, мне нужно было купить билетик на трамвай, что я и сделала. В центре после недолгих метаний я нашла вокзал и камеру хранения, где оставила пальто и рюкзак. Ведь я приехала в этот город без всякого плана. Ни отеля, ни кровати в хостеле у меня не было забронировано. Решение посетить Флоренцию было безумным и спонтанным. Я помню, что проголодалась и купила хот-дог с колой в какой-то уличной лавочке, а затем мне стало жарко, я буквально обливалась потом. Прекрасно, правда? В джинсах, рубашке и ботиночках, я просто умирала от жары.

Решение пришло само собой, когда я случайно вышла на улицу с магазинами и недолго думая зашла в Zara. Там у ме-

ня разбежались глаза, я схватила несколько платьев, решив примерить каждое и взять лучшее. Знаешь, кто помог мне сделать выбор? Итальянская бабушка, которая не говорила на английском или французском. Она ждала своих внучек, а я выходила из примерочной, чтобы посмотреть на себя в большом зеркале. Ты бы видел эту стильную женщину: на ее пальцах поблескивали кольца, волосы аккуратно уложены, на губах бордовая помада, а темные глаза подчеркнуты подводкой. Она была в джинсах и ярком топе, на плече висела блестящая сумочка. На первое платье она обрушила волну критики на итальянском, яростно жестикулируя, морща носик, то и дело качая головой. Я не поняла ни слова, но было очевидно, что она имеет в виду. Платье мне не шло. Когда я показалась во втором, она поджала губы, нахмурилась и, вновь жестикулируя и причитая, покачала головой. Та же реакция последовала на каждое следующее платье, а всего их было пять. Мое настроение медленно, но верно падало, я уже пожалела, что зашла в магазин, как вдруг эта самая бабушка подала мне голубое платье из нежной ткани. Я вежливо улыбнулась и спряталась в примерочной. Именно в этом платье ты впервые увидел меня, Адам. Оно тебе понравилось, я видела, как ты разглядывал меня. Тоненькие бретельки открыли мои плечи, мягкая ткань подчеркнула талию и грудь, а свободная юбка волнами спускалась чуть ниже колен. Голубой цвет идеально подходил моим глазам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.